65

Альберт Кайков

На заполярной широте

Альберт Кайков

На заполярной широте

Книга первая

Новосибирск 2010

ББК 84(2Рос=Рус)

К14

Кайков А.С.
К14 **На заполярной широте.** Повесть.- Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов» - г. Новосибирск, 2010г.

Кайков А.С.,2010г.
Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общества книголюбов»,2010г.

Об авторе

Книга Альберта Кайкова интересна событиями, описанными в ней. Автор, я бы сказал, обладает уникальной памятью, поскольку скрупулезно описывает свое давнишнее пребывание в заполярье, знакомит читателя со встреченными там людьми, их характерами и делами, нередко обращается к истории освоения неведомого большинству из нас и потому загадочного Севера.

Альберт Сергеевич прожил интересную и многогранную, наполненную трудами и приключениями, на зависть яркую жизнь. В детстве испытал фашистскую оккупацию, в юности окончил Владивостокское высшее военно-морское училище, служил на кораблях Тихоокеанского флота. После демобилизации жил в Новосибирске, где получил второе высшее образование в Инженерно-строительном институте,, после чего работал на стройках нашего города, заполярного города Игарки. . .

Теперь вот осваивает новую профессию, может быть, самую трудную: писал стихи для детей, опубликовал книгу прозы «Потерянное детство».

Желая этому волевому и уверенному в своих силах человеку новых творческих успехов, здоровья и долголетия!

Петр Дедов,
Член Союза писателей России,
академик Петровской академии
наук и искусств.

От автора

В этой книге я продолжил свое жизнеописание, начатое в повести «Потерянное детство». Работая на крайнем севере, мне повезло познакомиться со многими замечательными людьми, влюбленными в север, в свою нелегкую работу. К сожалению, они давно отошли в мир иной. В память о них я сохранил их имена и фамилии без изменений.

В работе над рукописью мне оказали неоценимую помощь Петр Павлович Дедов, Валентин Дмитриевич Демин и Сергей Васильевич Бурдаев

Автор макета обложки Олег Георгиевич Мыслин. Художник - Наталья Владиславовна Койкова.

На заполярной широте

Вместо предисловия

Собираясь писать эту книгу, я мысленно представил себе события сорокалетней давности, людей, с которыми мне довелось встретиться на своем жизненном пути. К сожалению, их давно нет в живых и я лишен возможности посоветоваться с ними, чтобы точнее восстановить отдельные события давно минувших дней. Жизнь и работа этих людей была неразрывно связана с Заполярьем, с вечной мерзлотой.

Годы, прожитые в этом суровом краю, дороги для меня. Многие эпизоды заполярной жизни, сохранившиеся в моей памяти, как мне кажется, будут интересны моим родным и близким. Свои воспоминания – вот то единственное богатство, которое я могу оставить им в наследство.

Вступление

Обходя строящиеся объекты, я любовался работой каменщиков, бригадир Николай Иванович Григорьев ловко укладывал кирпичи в наружную версту кладки, движения его рук были отточены до автоматизма. Его бригаде всегда поручали самые ответственные объекты. Первый семиэтажный дом в городе Новосибирске, на площади Калинина, был возведен его бригадой. В послевоенные годы это было событие, посмотреть высокий дом возили экскурсии.(Сегодня никого не удивляют жилые дома высотой более двадцати этажей.) Убедившись, что рабочие обеспечены материалами, зашел в контору строительного участка, чтобы закрыть наряды бригадам. На столе лежала газета, мое внимание привлекло объявление: требовались инженеры строители в заполярный город Игарку. Детские мечты моментально всплыли в моей памяти и увели меня в снежные дали. Меня охватила страсть к путешествиям.

Моим любимым автором в школьные годы был Джек Лондон. Я восхищался его героями, их волевыми характерами, способностями преодолевать трудности в суровых условиях Аляски. Мне хотелось оказаться вместе с ними, быть похожим на них. Его произведения зародили во мне мечты к путешествиям, не просто к путешествиям, а в суровых условиях Севера. Иногда я думал: окончу школу и поеду куда-нибудь на север. Жизнь постоянно вносила свои коррективы. Учеба в институте, женитьба, рождение ребенка окончательно похоронили, мне казалось, мои детские мечты.

По дороге домой обдумывал, как начать разговор с женой Наташей, в кармане лежала газета, которая могла мне помочь убедить ее.

Во время ужина долго не решался начать разговор. Мне стало жалко покидать жену и сына Сашу. После минутной слабости утешил себя тем, что разлука будет недолгой, они смогут приехать ко мне. Набравшись храбрости, произнес:

- Наташа, давай уедем на север.
- На какой север? – удивилась она.

- В Игарку.
- Что мы там будем делать?
- Работать, оклад мой будет вдвое выше, чем сейчас, каждые полгода будет прирастать. Я вижу, как ты считаешь каждую копейку. Мне больно на это смотреть. У меня на автомашине износилась резина, работники ГАИ сняли номер, а я не имею возможности купить новые покрышки.
- Квартиру придется бросить?
- Зачем бросать, забронируем, там обещают предоставить квартиру в течение полугода.
- Мы с трудом скопили денег, чтобы купить мебель, обустроить квартиру. Там придется все начинать сначала?
- Всю мебель и вещи погрузим в контейнер и отправим в Игарку.

По интонации Наташи я понял, что она начинает сдаваться и решил развивать успех.

- На севере прекрасная охота и рыбалка, отведаем рыбу, которая здесь даже не снилась.

Так вот в чем дело, с этого надо было начинать разговор.

- Скажи, ты согласна или нет?
- Такие вопросы нельзя решать мгновенно, надо взвесить все за и против.

В этот вечер мы сидели до полуночи. Я приводил свои доводы в пользу поездки. В хрущевский период в магазинах исчез белый хлеб. Мне, больному гастритом, белый хлеб был необходим. Наташа пыталась убедить меня не срываться с места. Она была человеком легким на подъем, часто бывала моим спутником на рыбалке и охоте. Вместе с тем здравый смысл ей подсказывал, что моих аргументов для перемены места жительства недостаточно. В конце разговора она сказала:

- Напиши письмо, когда получим ответ, тогда и решим. Может быть, тебя не пригласят. . .

Игарка

К Игарке самолет подлетал десятого мая 1964 года. В «Аннушке», труженице северных широт, было семь пассажиров. Сидели на сиденьях вдоль бортов. Самолет часто проваливался в воздушные ямы, пристегнутое ремнями к сиденью тело стремилось оторваться от сиденья и повиснуть в воздухе, содержимое желудка подкатывалось к горлу. Мне приходилось летать на больших реактивных самолетах, в них такого ощущения не испытывал. Все пассажиры были жителями Игарки, вели непринужденный разговор. Я летел в Заполярье впервые, прислушивался к их разговорам, наблюдал в иллюминатор за местностью, над которой пролетал самолет, вспоминал мои проводы в Новосибирске.

В городском аэропорту меня провожали жена Наташа с трехлетним сыном Сашей, родственники. Стояла жара. Наташа была одета в легкое летнее платье, все мужчины были в рубашках с короткими рукавами. Ярко светило майское солнце, теплый южный ветерок приятно ласкал лицо. У меня с со-

бой был рюкзак и чемодан, в которые я уложил теплые вещи и все, что необходимо на первый случай. Поцеловав Наташу и Сашу, забросил на спину рюкзак и пошел к самолету, совершающему рейс до Красноярска, где мне предстояла пересадка в самолет до Игарки. За спиной услышал плачь Саши. Обернувшись, я увидел на его лице ручьем катящиеся слезы, он горько плакал. Наташа взяла его на руки, прижимала к себе и что-то ему говорила. У меня защемило сердце, мне стало жалко их обоих.

Самолет делал посадки в Енисейске, Подкаменной Тунгуске, Туруханске. Для меня все было ново. Я читал, что эти места были местом ссылок политзаключенных, старался запомнить окружающий меня мир, в самолете не отрывался от иллюминатора. За Енисейском весь правый берег Енисея представлял бескрайнюю равнину, заросшую хвойным лесом и изрезанную многочисленными небольшими реками, впадающими в Енисей. Около Подкаменной Тунгуски местность была холмистая. Где-то в этих местах протекает Угрюм-река, описанная в романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река» - подумал я. Дальше, на север лес редел, стали попадаться огромные плешины озер и тундры, покрытые снегом.

- Подлетаем к Игарке, - произнес один из пассажиров.

Самолет летел над Енисеем, его левый берег с трудом просматривался в дали, по узкой полоске леса вдоль берега, среди общей бескрайней белизны. Я хотел увидеть город, в котором мне предстояло работать не менее пяти лет. Два года назад здесь произошел пожар. Сгорела большая часть города, объекты Игарского лесопильно – перевалочного комбината, весь пиломатериал, заготовленный для торговли с зарубежными странами. Страна понесла большие убытки. Через Игарку шла торговля лесом, который заготавливался во всей Сибири. Для восстановления города требовались строители. Я был приглашен работать прорабом. Меня влекла на север не только работа, но и страсть к путешествиям, желание увидеть новые места, мечты об охоте и рыбалке в этих краях. Конечно, немаловажное значение имел оклад с надбавками и полярным коэффициентом.

Самолет сделал вираж и пошел к аэродрому, который располагался на острове. На правом берегу реки я увидел то, что называлось городом: в южной части поселок из одноэтажных небольших домиков, расположенных хаотично. Среди них возвышались два двухэтажных деревянных дома. Позже я узнал, что это старый город, а двухэтажные дома - это дом культуры и больница. Севернее, через несколько километров, располагался новый город из нескольких десятков двухэтажных деревянных домов. Таков облик Игарки начала шестидесятых годов прошлого века.

Самолет пробежал по заснеженной полосе и остановился около здания аэропорта – набольшого деревянного домика, над которым развивался черно – белый конус, показывающий направление ветра. Я уже успел переодеться в зимнее пальто и одеть валенки. На улице температура была ниже двадцати градусов, снега намело почти до колен. Пассажиры столпились около самолета и обсуждали проблему: как добраться до города, расположенного на другом берегу широкой протоки. Обычно, к прилету самолета в аэропорт

приходил автобус. Сегодня автобус не пришел из-за выпавшего накануне снега. Я созерцал окрестность и удивлялся тому, что за один день попал из тепла в Новосибирске в самую настоящую зиму. Смогу ли привыкнуть к новому климату? Чувствовал, что смогу, иначе бы сюда не прилетел.

Неожиданно со стороны протоки появилась лошадь, запряженная в сани. Она с трудом двигалась по некрутому подъему, от протоки в нашу сторону, по глубокому рыхлому снегу, раздвигая розвальнями снег в стороны, как клином. Выяснилось, что она была послана за военкомом, который был среди пассажиров. Поговорив с возницей, военком скомандовал:

- Грузите вещи в сани, все пойдем пешком.

Путь оказался нелегким, все шли колонной по одному по проторенной санями дороге. Я с первого дня начал осваивать прелести Заполярья, даже радовался этому, вспоминал героев Джека Лондона, которые покоряли просторы Аляски. Это придало мне силы и уверенности, что жизнь в Заполярье мне будет по плечу. Среди прилетевших пассажиров были две женщины, они к переходу через протоку отнеслись, как к обычному явлению, и топтали рыхлый снег наравне с мужчинами. Лошадь с трудом вытянула сани по крутому подъему на высокий берег Енисея. Здесь дорога была расчищена грейдером, по сторонам были высокие валы из снега. Только сейчас бывшие пассажиры могли идти рядом и разговаривать. На меня, как на новичка, обратили внимание попутчики. Пришлось рассказать, что прилетел работать в строительное управление «Игарстрой», заключив договор на пять лет. Дорога проходила мимо двухэтажного деревянного здания с вывеской «Интерклуб». Я поинтересовался у идущего рядом со мной мужчины:

- Что это за здание?

- В нем во время навигации отдыхают иностранные моряки, – услышал ответ.

Когда наша кавалькада проходила около двухэтажного деревянного здания, в котором размещалось Строительное управления, конюх остановил лошадь, новые знакомые помогли из общей свалки вещей извлечь мой чемодан и рюкзак. В управлении меня ожидали, так как я из Красноярска послал телеграмму. Начальник управления Лавров Евгений Васильевич, пожав мне руку, сказал:

- Сейчас вас проводят в общежитие, обустраивайтесь, отдыхайте, завтра утром прошу ко мне.

Мне была подготовлена комната на втором этаже семейного общежития. У единственного окна стоял стол и два стула, около двери шкаф для одежды, кровать была аккуратно заправлена, на подушке лежало полотенце. Обстановка в комнате напомнила мне корабельную каюту, окно только было много больше корабельного иллюминатора. «Жить можно», - подумал я. Раздевшись, не распаковывая вещей, вышел в коридор, чтобы осмотреться и познакомиться с соседями. Здание было коридорного типа, в каждой комнате жили молодые семьи, приехавшие на работу в строительное управление. В одном конце коридора находилась общая кухня, в другом – комната для умывания. Коридор был безлюдным, все жильцы были на работе. Спустившись на

первый этаж, я узнал от дежурной, что туалет располагался на улице. Это сообщение поубавило моего энтузиазма. Вернувшись в комнату, стал через окно рассматривать улицу.

На противоположной стороне дороги стояли двухэтажные деревянные дома, все пространство между ними было занесено снегом, сугробы достигали окон первых этажей. Дорога представляла широкую траншею среди глубокого снега, машин и людей не было видно.

- Вот оно какое Заполярье, - подумал я, - надо привыкать.

2

Беседа с начальником строительного управления Лавровым шла непринужденно. Он сразу же расположил меня к себе. Его возраст был пенсионным, седые волнистые волосы зачесаны назад, голубые глаза были внимательными и добрыми. Позже я узнал, что он почти тридцать лет проработал в Норильске, сделав карьеру от заключенного до начальника строительного управления. Несколько лет назад ему разрешили выехать из Норильска в Игарку. Его здоровье требовало поездки на юг, но он был невыездной.

Обо мне Лавров, наверно, знал из моих документов, поэтому вопросов почти не задавал, больше рассказывал сам о строительном управлении, о методах строительства на вечной мерзлоте. В состав строительного управления входило четыре прорабских участка. Два занимались жилищным строительством, два промышленным. Мне он пообещал, что как только будет сдан в эксплуатацию очередной жилой дом, я получу квартиру и смогу вызвать к себе семью. В заключение беседы сказал:

- Поскольку в Новосибирске ты работал на строительстве промышленных объектов в тресте Новосибирскпромстрой, мы решили доверить тебе прорабский участок по возведению объектов завода железобетонных изделий и водозабора. Все объекты строительством начаты. Это очень хорошо для тебя. При строительстве на севере, самым сложным и ответственным этапом является возведение нулевого цикла. Пока достраиваешь начатые объекты, освоишь методы строительства на мерзлоте. . .

Мы с Лавровым едем на стареньком газике осматривать мои объекты. Площадка завода железобетонных изделий находилась в трех километрах от города, на ней размещались: главный корпус с цехом пропарочных камер, склад инертных заполнителей, котельная и другие мелкие объекты. Вся площадка занесена снегом, вокруг тундра, местами заросшая мелкими пихтами. Дорога расчищена только к главному корпусу. Лавров издали показывал мне объекты и рассказывал об их состоянии. К нам подошел мастер участка Малюгин Михаил Николаевич, начальник управления представил ему меня.

- Это самый ответственный объект,- сказал Лавров, - мы весь железобетон для строительства завозим из Красноярска в короткий период навигации. Через год надо будет запустить свой завод. На следующий месяц тебе плановый отдел спустит план, сделай под него набор работ и подай заявку на строительные материалы и рабочих.

По его уверенному, твердому голосу я понял, что это волевой человек, который добивается поставленной цели. Под его руководством работать будет легче. Я, как бывший военный, уважал таких людей и не любил мямлей.

Водозабор оказался в десяти километрах от города на реке Гравийке. Готов был только корпус здания. Предстояло смонтировать котлы, насосы, опустить в реку оголовок для забора воды, закончить разводку водопроводной сети. Я очень удивился, когда увидел, что водопроводные трубы не зарыты в землю, а проложены в метре над землей опираясь на сваях. Мне предстояло освоить новые методы строительства. Питьевая вода в город многие годы подавалась из Енисея, в ней не хватало йода. Это сказывалось на здоровье населения.

Шагая рядом с Лавровым, я быстро замерз в своем зимнем пальтишке на ватным подкладе и в валенках. Он был одет в унты и летную куртку на меху.

- С первой получки куплю себе такую одежду,- решил я.

В заботах время летело незаметно. Пятого июня я услышал отдаленные взрывы, которые неслись со стороны Енисея. Они мне напомнили артиллерийскую стрельбу, которую я слышал в детстве при освобождении нашими войсками города Анапы, в котором проживала наша семья.

- На Енесее ломается лед, скоро начнется ледоход, - сказал кто-то из рабочих. . .

Вечером, часов около десяти, я отправился на берег Енисея посмотреть ледоход. Это время вечером можно было назвать условно, так как уже стоял полярный день. Летним, день назвать нельзя. В воздухе кружились снежинки, напоминая, что ты живешь в Заполярье. На берегу стояла большая толпа людей - даже старожилам интересно посмотреть на могучую реку, которая избавляется от зимнего плена и спячки. Я опоздал к первой подвижке льда, когда вода поднимает ледяной панцирь толщиной два метра и он, ломаясь, издает оглушительные звуки. Вода уже поднялась на несколько метров, река торопилась освободиться ото льда, выталкивала льдины на берег, громоздила друг на друга, ставила их вертикально, издавая при этом вздохи облегчения, скрежет и шум. На одной из льдин путешествовала деревянная избушка с железной трубой над крышей. Такие избушки на полозьях, без пола, завозят рыбаки на Енисей, чтобы выбирать сети из проруби в тепле. Эту избушку, видимо, не успели убрать до ледохода. Следом за избушкой река несла огромную металлическую баржу. На таких баржах сплавляют в Игарку пиломатериалы. . .

В середине июня наступила весна. Солнце ненадолго скрывалось за горизонт и вновь поднималось по чистому голубому небу. Практически не было темного времени суток. На работу я ходил пешком тропой через лес. В один из дней немало удивился: вчера на деревьях не видел листьев, а сегодня лес утопал в зелени. За ночь листья распустились и выросли с трехкопеечную монету. На территории завода нетронутые моховые участки тундры отливались изумрудом под лучами яркого солнца. На одном из таких участков стоял пакет досок, завезенный зимой, мне предстояло его переместить ближе к котельной, на которой возводилась крыша. По дороге проходил трактор, я по-

просил тракториста перетащить пакет досок. Тракторист, новичок на севере, как и я, бойко подъехал к пакету, зацепил его тросом и начал тянуть. Пакет с места не двигался – он примерз к лежащему под ним снегу, а гусеницы трактора прорезали моховой покров и стали месить грязь, пока трактор не сел корпусом на грунт. В моем распоряжении на участке находился бульдозер, который занимался планировкой отсыпаемой дороги. Я пошел к нему и велел бульдозеристу вытащить трактор и пакет. Бульдозерист, надеясь на мощь своей техники, решил вытащить сразу трактор и пакет. Его постигла та же участь, что и трактор. Мне пришлось идти в отдел главного механика, который располагался невдалеке и просить помощь. На выделенном мне тракторе оказался опытный тракторист, проработавший на севере много лет. Он, не съезжая с дороги, отсыпанной гравием, велел трактористам - новичкам длинным тросом зацепить один трактор и спокойно вытащил его на дорогу, затем второй трактор и пакет досок. Так я впервые познакомился с коварством северной природы. . .

Чокнутый

Мне приходилось ежедневно бывать на строительстве водозабора. До наступления холодов требовалось подать в город воду. Добирался я, обычно, на попутном транспорте. Мимо водозабора проходила дорога в карьер, по которой постоянно шли автомашины за гравийно-песчаной смесью. Многие водители возили гравий для отсыпки дорог на моем участке и хорошо меня знали. На берегу реки Гравийки я познакомился с интересными людьми.

Один из них - мужчина высокого роста, средних лет. Его я приметил с наступлением теплых дней. В любую погоду он приходил из города пешком в длинном старом пальто, садился на берегу, доставал из котомки еду, ел, запивая водой из реки, потом снимал обувь и брюки, переходил реку на перекате и исчезал в прибрежных зарослях. На все мои попытки заговорить с ним отмалчивался. Несколько раз, обгоняя его, идущего по дороге, я останавливал самосвал, чтобы подвезти, но он, молча продолжал шагать, как- будто я обращался не к нему. Рабочие называли его Чокнутым. Никто не знал его имени.

Мне приходилось видеть его на рынке. Все продавали морошку по одному рублю за полулитровую баночку, а он по двадцать копеек.

- Почему продаете дешево? - поинтересовался я.

- Я по хлебу, - ответил он без дальнейших разъяснений.

В то время хлеб стоил двадцать копеек булка. Из его двух слов я понял, что он считает морошку собрать легче, чем вырастить пшеницу и испечь хлеб.

Однажды мы с приятелем шли на рыбалку по сосновому лесу вдоль большого озера. На противоположном берегу была видна небольшая избушка. Из нее выскочил голый человек, подбежал к озеру и с разбега бросился в воду.

-Это что за чудеса? - спросил я.

-Здесь живет Чокнутый. Когда-то он работал в театре. После пожара многие артисты уехали в Норильск, большинство из них были ссыльными. Он посе-

лился в этом месте, и живет дарами леса и озера. Летом продает на базаре ягоды, себе покупает муку, сахар, соль, спички.

Как - то раз мне удалось разговорить Чокнутого. Он, как обычно, сидел на берегу и что-то жевал. Подойдя к нему, я пожелал приятного аппетита, присел рядом и сказал:

- Я видел, как вы плавали в озере, комары вас не заедают?

- Люди заедят скорее, чем комары, - в его глазах на мгновение мелькнули искры усмешки. Глаза быстро потускнели, он понял, что сказал лишнее и больше не произнес ни одного слова.

В дальнейшем я часто встречал Чекнутого, но не пытался с ним разговаривать. Он не был чекнутым, как о нем многие думали, в его жизни, видимо, была какая - то тайна, которую скрывал под маской молчуна и сторонился людей.

Много позже, когда я работал в Игарском лесокомбинате, мне стало известно, что Чокнутый был ссыльным. После истечения срока наказания, ему запретили выезд из Заполярья. Жена не поехала с ним в ссылку, а отказалась от него, как от «вредителя». На этой почве у него появилось заболевание, он стал сторониться людей.

Ловля окуней

На водозабор я приехал раньше обычного времени на попутном самосвале, чтобы проверить готовность фундаментов для сдачи их под монтаж оборудования мастеру Навальному, с которым не был близко знаком. Встречался с ним на планерках в строительном управлении, но повода для разговора не было. Пройдя по помещениям здания водозабора, вышел на высокий берег реки Гравийки и спустился к воде. У переката заметил человека с удочкой в руке. Это был мастер сантехнических работ Николай Семенович Навальный.

-Сегодня хариус не хочет клевать, - сказал он, когда я подошел к нему, - придется в воскресенье сходить на озера, половить окуней.

- Возьмите меня с собой на рыбалку, - попросил я его.

- Нет проблем, в субботу встретимся на водозаборе и договоримся.

В очередное воскресенье, рано утром, мы вброд перешли Гравийку, по тропе пересекли прибрежные заросли тальника и перед нами открылись просторы тундры, заросшей цветущим багульником. Сиреневый ковер простирался до горизонта. Через цветущие кустарники не было видно зеленого мохового покрова тундры. Между кочек виднелась протоптанная тропа. Она виляла среди зарослей багульника, залитая водой выше щиколотки. В воздухе стоял терпкий дурманящий запах багульника, от которого кружилась голова. Ноги постоянно спотыкались о кочки. Заметив мое состояние, Навальный сказал:

- Придется тебе потерпеть, идти еще долго.

Через несколько километров мы достигли конца длинного и утомительного перехода. Среди хвойного леса раскинулось много озер. Перед нами лежали два продолговатых озера. Из одного вытекал неширокий ручеек, пробежав между обточенных камней, по песчаному дну метров сорок, он впадал во

второе озеро. Я почувствовал, что попал в первозданный мир. Все озера были вытянуты в одном направлении. Участки из гравийно-песчаной смеси говорили о том, что здесь когда - то поработали ледники. Мои размышления прервал Навальный:

- Рыбачить будем здесь, черви в Игарке не водятся, придется поймать первого окуня на кусочек рыбы, которую я захватил с собой, а затем будем рыбачить на глаз окуня.

Клев был изумительный. Стоило только забросить леску, поплавок моментально скрывался под водой. Окуни, словно специально голодали, чтобы потешить нас. Такая рыбалка скоро надоела. Мне не нужно была много рыбы, пойманной было достаточно, чтобы угостить семейных женщин в общежитии, и я отправился изучать местность. Вдоль озера, среди высокой травы, была протоптана тропа. Я думал, что ее проложили рыбаки, и она выведет меня к месту их рыбалки. Вскоре тропа свернула к другому озеру. Мест, вытоптанных около воды и пригодных для рыбалки, я не нашел, зато увидел под ногами свежие экскременты медведя. Испуга не было, я знал, что в летнее время, при обилии ягод в лесу, медведи не нападают на человека. Вспомнил попытку увидеть медведя в лесу.

Мы во время отпуска шишковали на острове, расположенном среди тундры, на границе Новосибирской и Томской областей. На острове росли гигантские кедры. Колотить по стволу, чтобы стрясти шишки, было бессмысленно. Мы каждый день обходили остров, собирая шишки, упавшие с деревьев за ночь, и ждали ветра, чтобы воспользоваться его трудом. Ежедневно утром мы замечали, что раньше нас упавшими шишками лакомился медведь, так как под кедрами встречались обглоданные шишки и экскременты медведя. У нас было оружие, нам хотелось, чего греха таить, попробовать медвежатины, но за месяц, проведенный на острове, ни разу не видели хозяина тайги, хотя чувствовали, что он находится где-то рядом.

Когда я вернулся к Навальному, у него был полный рюкзак окуней. Он ожидал моего возвращения. Водрузив тяжелый рюкзак на плечи, он первым направился в обратный путь, я последовал за ним. После совместной рыбалки, мы оба почувствовали родство душ, и стали ближе друг к другу. Продвигаясь по тропе, вели непринужденный разговор. От него я узнал, что он был родом из небольшого села Суко. Мне в детстве приходилось бывать в этом селе, оно расположено в сорока километрах от Анапы, среди Кавказских гор. Там был центр партизанского движения в Краснодарском крае. Немцы побаивались в него наведываться, так как единственная дорога проходила между гор, и на ней всегда оккупантов ждали сюрпризы. После войны Навального сослали в Норильск.

Он стал моим спутником в походах на рыбалку и охоту. Навальный был ниже среднего роста, худощав, очень энергичен и подвижен. В очередной раз на рыбалку он привел меня к озеру, у которого прибрежная часть была покрыта, как ковром, зеленым мхом, по которому были разбросаны ягоды морошки. Листья морошки похожи на листья клубники, а ягоды желто-оранжевого цвета по форме напоминали крупную малину. Мне понравился

вкус ягод, напоминающий спелую грушу. Я решил не лишать себя удовольствия отведать до сих пор незнакомой мне ягоды и стал ходить по моховому ковру. Ковер под тяжестью моего веса прогибался, около ног появлялась вода, стоило сделать шаг, ковер мха восстанавливал свое прежнее положение.

- Будь осторожен, - услышал я голос Навального, - можешь провалиться, здесь большая глубина, через моховой покров можешь не выбраться.

Пока я наслаждался морошкой, Навальный срубил небольшое дерево, сделал из комля кол, вершину положил на моховой ковер, прошел по ней метра два от берега и воткнул кол в мох. Круговыми движениями расширил лунку, вынул кол и опустил в лунку удочку. К моему удивлению, он поймал крупного окуня, который по цвету отличался от окуней, пойманных нами прошлый раз, как белый человек отличается от негра. Окунь был настолько темный, что на нем едва просматривались черные полосы поперек тела. Я последовал его примеру, и скоро у моих ног на мху подпрыгивали крупные окуни.

Через год, когда у меня с Навальным завязались дружеские отношения, я решился задать ему вопрос:

- За что тебе дали 58 статью?

- Бабка напоила немцев кислым молоком, - не задумываясь, ответил он.

Больше у меня вопросов не было. Находясь на оккупированной территории, я знал случаи, когда во двор дома заходили немцы, женщины бросались в дом, чтобы предупредить родственников об угрозе, хватали в руки приготовленное на такой случай вино или молоко, выскакивали во двор и с поклоном, с наигранной улыбкой преподносили врагам, чтобы дать время родне скрыться. Вполне мог найтись «доброжелатель» и донести в органы о «предателях». После освобождения территорий от оккупантов разбирательств не было. Многие оказались в местах отдаленных. Возможно, с Навальным произошел такой случай, срок его наказания давно истек. Для меня он был хорошим партнером на охотах и рыбалке, знал прекрасно местность и многому меня научил.

Новогодняя елка

В августе был сдан в эксплуатацию восьмиквартирный деревянный дом, и я получил двухкомнатную квартиру. Это радостное событие согревало мое сердце и вселяло надежду на скорую встречу с семьей. Я незамедлительно отправил жене длинную телеграмму. Потянулись мучительные дни ожидания и предвкушения радостной встречи. Мне хотелось, чтобы Наташа прилетела на самолете, это бы ускорило встречу, но в телеграмме написал, чтобы из Красноярска отправилась по Енисею на теплоходе. Была редкостная возможность посмотреть красоты могучей реки.

Прибытие каждого теплохода в Игарку для жителей города было событием. Дебаркадер не мог вместить всех встречающих, на высоком берегу собралась большая толпа жителей. Кто-то встречал родных и знакомых, кто-то пришел

воспользоваться услугами магазина на теплоходе, кто-то просто полюбоваться красивым пейзажем, я с нетерпением ожидал прибытия моей семьи.

Теплоход медленно подходил к дебаркадеру, пассажиры и туристы столпились у борта. Среди разноцветной массы людей я мгновенно разыскал родные фигуры жены и сына. Наташа была в шортах, в легкой кофточке с короткими рукавами и в соломенной шляпе, Саша в матросском костюме. Я стал махать им рукой, Саша, увидев меня, запрыгал от радости.

После трехмесячной разлуки встреча была радостной и счастливой. Саша рассказывал, что в последние дни плавания не было ночи, постоянно светило солнце, а мама заставляла его ложиться спать, он без умолку говорил обо всем, что видел в пути. Подхватив вещи, я повел их осваивать новое жилище. Дом стоял на северной окраине города, наша двухкомнатная квартира располагалась на втором этаже. Вся обстановка была казенной. Металлические кровати, стол и стулья создавали удручающий вид, но это не испортило нашего радостного настроения.(Через две недели пришел контейнер с нашей новосибирской мебелью) Усевшись за накрытый стол, Саша не переставал удивляться деликатесам, стоящим на столе по случаю радостной встречи. Красная икра и копченая рыба в Игарке не были дефицитом. В окна ярко светило полярное солнце, мы не заметили, как проговорили до двух часов ночи. Через дорогу от дома начинался хвойный лес с множеством небольших «тундр», поросших багульником, карликовыми березками и ивами. Встречались участки морошки и клюквы. Там водилось множество белых куропаток. По выходным дням я иногда охотился на них. Лес был богат всевозможным зверем и птицей. Осенью было много случаев посещения медведями помоек на окраине города. В памяти сохранился такой случай. На окраине города был построен Северный поселок для временных рабочих, которых приглашал лесокомбинат на период навигации, для погрузки пиломатериалов на морские суда. Поселок состоял из десяти общежитий и здания столовой. Вдали от столовой стоял большой деревянный ящик для мусора и пищевых отходов. Однажды женщина подошла к ящику и вылила в него ведро помоев. К ее удивлению и ужасу, из ящика выскочил медведь. Она побежала в столовую, а медведь, напуганный не меньше, чем она, помчался к лесу. Случаев нападения на человека за шесть лет, прожитых мною в Игарке, не было. По утрам, после выпавшего ночью снега, около дома можно было увидеть следы песцов.

Мне запомнилась первая предновогодняя ночь, проведенная на Севере. Я обещал сыну принести елку, которая была приготовлена на строительном участке. После обеда Лавров собрал у себя инженерно-технических работников для подведения итогов года. Встреча затянулась. Идти на участок за елкой по морозу не хотелось, и я пришел домой без елки. Заметив расстроенного сына и слезы на его глазах, не раздеваясь, взял топор, ножовку, фонарик и отправился в лес. На небе не было видно ни единой звездочки, стояла кромешная темнота. В десяти метрах не было ничего не видно. Все деревья были высокими, приходилось с помощью фонарика находить низкое дерево и на лыжах идти к нему. Я долго бродил из стороны в сторону, пока выбрал под-

ходящую пихточку. Домой пришлось возвращаться по своему следу, петляя по проложенной лыжне, чтобы не заблудиться. Пихта нас долго радовала. Поставленная в ведро с водой, она обросла множеством недоразвитых шишек. Знакомых, которых мы могли бы пригласить к себе на праздник, у нас еще не было, и мы первый Новый год в Заполярье отмечали своей семьей. Каждому из нас он запомнился на многие годы. Я вспоминаю блуждание по лесу за елкой, Саша - выросшие на дереве шишки, Наташа - теплые семейные отношения.

Забастовка

В период прошедшей навигации для моего участка не были завезены стеновые панели галерей, по которым транспортерами должны подаваться щебень, песок и цемент со склада сыпучих материалов в растворобетонный узел главного корпуса. Проектом были предусмотрены панели, которые представляли два листа шифера с утеплителем между ними. В Красноярском крае такие панели не изготавливались, и наша вышестоящая организация не выполнила заявку. Я решил подать рационализаторское предложение: заменить шиферные панели на деревянные двухслойные с прокладкой слоя рубероида. Предложение согласовал с заказчиком и противопожарной службой. Сделал расчет экономического эффекта, причитающейся мне премии и подал заявку на рацпредложение главному инженеру строительного управления. Он передал документы на рассмотрение начальнику отдела труда и заработной платы Фунтиковой Зое Алексеевне. Она приняла решение: в рационализаторском предложении отказать. На мой вопрос:

- Почему отказано в рацпредложении? - ответила:
- Замена индустриальных элементов на ручную работу не является рационализацией.
- Такая замена позволит к лету ввести объект в эксплуатацию,- настаивал я.
- Дерево не отвечает требованиям долговечности.
- Шифер менее долговечен, он может расколоться при транспортировке и монтаже.
- Я своих решений не меняю, забирайте свои бумаги и можете быть свободным. . .

Лавров, изучив мои документы, посмотрел на меня внимательным взглядом и произнес то ли для меня, то ли для себя вслух:

- Сократим срок строительства, будет большая экономия - заказчик заплатит по сметной стоимости.

Он вызвал Фунтикову, не вступая с ней в разговор, написал на моей заявке: «Утверждаю» и, протянув ей бумаги, сказал:

- Оформите рацпредложение, как положено.
- Мы еще никогда не выплачивали таких премий.
- Значит, не было причины. . .

Я стал врагом номер один у Фунтиковой.

Вскоре началась хрущевская оттепель, Лаврова реабилитировали, и он уехал в европейскую часть страны. Вместо себя, на должность начальника строительного управления, по согласованию с трестом, он пригласил из Норильска полковника в запасе Енина Сергея Дмитриевича. Это он, узнав, что среди заключенных есть опытный строитель, назначил Лаврова прорабом, а после истечения срока заключения, начальником строительного управления. Енин был прямая противоположность Лаврову. Мне он казался мягким, спокойным, дряхлеющим стариком. Планерки стали проходить вяло, пропала целеустремленность к выполнению поставленных задач. Завод железобетонных изделий с большим трудом был запущен в эксплуатацию и на нем стали изготавливать дорожные плиты, блоки для подстопных мест и другие изделия.

Как-то вызывает меня к себе Енин и говорит:

- Трест предложил нам объединить два участка в один участок промышленного строительства и ввести новую должность начальника участка. Я предложил тебя на новую должность, но Горком партии не согласовал твою кандидатуру, так как ты беспартийный.

В те годы существовали номенклатурные должности, на которые назначались работники только после согласования с партийными органами.

- Вот тебе моя рекомендация, возьми еще две и подавай заявление о вступлении в партию.

- Мое согласие даже не требуется? - удивился я.

-Ты разве не согласен стать начальником участка? – в свою очередь удивился Енин.

- Это заманчиво, но зачем вступать в партию?

- Кстати, ты почему до сих пор не в партии?

Мне трудно было ему ответить, и я на мгновение задумался. В памяти промелькнуло первое знакомство с членами партии в начале трудового пути. После окончания института я пришел работать мастером к начальнику участка Михаилу Михайловичу Габасову. Строительный участок располагался на территории завода имени Ленина в городе Новосибирске. Частенько Габасов говорил мне: «остаешься старшим, мы с Яшей идем на собрание». Яша был кладовщик участка. Оба они были членами партии. После собрания обычно возвращались под хмельком. Однажды перед обедом Габасов позвал меня к Яше на склад. Кладовщик достал бутылку с мутной желтой жидкостью, вылил ее в стеклянную банку, насыпал в жидкость соли и деревянной палочкой стал размешивать содержимое банки. Я внимательно следил за его химическим опытом. Постепенно на палочку стала наматываться темная, густая и вязкая масса. Яша, видимо, имел опыт в таких экспериментах. Когда на палочку перестала налипать темная масса, он выбросил ее за дверь склада, а желтую жидкость разлил по стаканам. Из стакана несло резким запахом спирта. Отказавшись пить эту гадость, я сказал, что этот напиток не для беспартийных.

- Ты что, брезгуешь выпить с членами партии? - возмутился Яша.

Позже я узнал, что это была политура, которую Яша добывал в цехах завода, в которых мы вели ремонтные работы. Через год Габасов несколько раз предлагал мне подать заявление о вступлении в партию. Убеждал, что после его ухода на пенсию, я смогу занять его должность. В моей памяти всплывал случай с политурой, и я под разными предлогами отшучивался от предложения. . .

Эти воспоминания мгновенно пролетели в моей памяти. Я пожал плечами и ответил Енину:

- Не было случая.

Открытое партийное собрание проходило в клубе строителей. Меня принимали в партию. Собралось много рабочих с моего участка. Секретарь парторганизации Глыза Алексей Павлович попросил меня рассказать биографию, зачитал данные мне рекомендации, выступило несколько членов партии. Когда время подошло к голосованию, подняла руку Фунтикова.

- Претендента нельзя принимать в партию. Я предлагаю перенести этот вопрос на следующее собрание. Рекомендация Енина не действительна. Он у нас работает всего десять месяцев, следовательно, знает кандидата в партию менее года.

Для меня речь Фунтиковой была, как удар из-за угла. Мне стало стыдно перед своими рабочими. Они пришли поддержать меня, а тут такой позор. Я готов был провалиться сквозь землю. Неожиданно поднимается мастер Малюгин. У меня с ним не было приятельских отношений, я частенько ругал его за появление на работе в нетрезвом состоянии, но никогда не жаловался начальству. По возрасту он годился мне в отцы. «Поддержит Фунтикову и окончательно меня утопит», - мелькнула у меня мысль, но я ошибся. Малюгин дал мне хорошую характеристику и в заключение сказал:

- Я готов прямо сейчас написать рекомендацию или после собрания зайти в партком и написать ее там. Мое предложение: принять Кайкова кандидатом в члены Коммунистической партии. Прошу мое предложение поставить на голосование.

Только после этих слов я посмотрел в зал. В ушах звенело, в голове был шум. Как сквозь сон услышал слова Глызы:

- Кто за то, чтобы принять Кайкова кандидатом в члены порти?

В зале взметнулся лес рук.

- Кто против? - произнес секретарь партийной организации.

Руку подняла одна Фунтикова.

Я не ожидал от Малюгина такого доброго к себе отношения. Решил, что обязательно с ним надо поговорить и вникнуть в его жизнь. Вот так я был принят в коммунистическую партию.

После собрания ко мне подходили знакомые и не знакомые работники строительного управления, поздравляли меня с приемом в партию.

2

Объединение двух прорабских участков в один прибавило мне хлопот. Поскольку работы на объектах завода железобетонных изделий заканчивались, пришлось переводить рабочих на строительство объектов биржи пиломатериалов. Биржа пиломатериалов - это большая площадь, в несколько квадратных километров, для хранения и просушки пиломатериалов перед отправкой их за границу. В тридцатые годы прошлого века она была создана на участке тундры, прилегающей к Игарской протоке. Все дороги были деревянными. Строились они так: укладывалась гать из бревен, по ней делался настил из двух слоев досок толщиной по десять сантиметров. Во время пожара в 1962 году сгорел не только хранившийся пиломатериал, но и все дороги. Мне предстояло организовать строительство подстопных мест для хранения пиломатериалов. Это не сложные сооружения, но требовали ювелирной точности.

Заказчик торопил со строительством: приближалась навигация. По Енисею придут караваны барж с пиломатериалом, его надо разместить для просушки до прихода морских судов. Работа была новая, я составил калькуляцию на одно сооружение. Для производства работ поставил несколько бригад. Ход работ сулил перевыполнение установленного участку плана.

По итогам месяца я закрыл бригадам наряды. Рабочие были довольны заработком. В те годы считался достойным заработок не менее десяти рублей в день. После получения зарплаты рабочие пришли расстроенными. Им было выплачено по семь рублей за день. Я отправился в отдел труда и заработной платы к Фунтиковой. Она занизила расценку на монтаж подстопного блока. Все мои попытки убедить ее, что мною расценка применена правильно, успеха не имели. Пришлось идти к Енину. Разговор начал с того, что план за месяц перевыполнил, перерасхода заработной платы нет. Он согласился с моими доводами по расценке.

- Утвердите калькуляцию, - попросил я, протягивая ему лист бумаги со своими выкладками.

- Оставь, я позже посмотрю.

- Я могу сказать рабочим, что им будет выплачена удержанная зарплата?

- Конечно, можешь.

Через месяц Фунтикова вновь срезала зарплату рабочим. Когда я пришел на строительную площадку, все бригады сидели.

- Вы нас дважды обманули, - услышал я упрек в свой адрес, - закрываете наряды по одной расценке, а затем ее меняете.

- Больше работать на строительстве подстопных мест не будем!

Я собрался ехать к Енину, но тут к бастующим рабочим подкатила горкомовская черная волга. Из машины вышел первый секретарь горкома парии Радаев Геннадий Викторович. Кто - то из рабочих успел сообщить ему о забастовке.

Рабочие изложили ему свои требования, во всем обвиняли меня. Я не стал оправдываться в присутствии рабочих.

-Садись в машину, - сказал он мне, - едем в строительное управление.

По дороге я рассказал ему о сути конфликта. . .

Енин сидел за столом и просматривал бумаги, когда мы вошли в его кабинет. Радаев с порога обрушил на него поток упреков своим громким голосом:

- Вы сидите в кабинете, перебирите бумажки, не знаете, что творится у вас на стройке.
- Что может твориться у меня сверхъестественного на стройке?
- У вас бастуют рабочие! Вы представьте, что вас ждет, если об этом станет известно в Красноярске и в Москве.
- В чем дело? – обратился ко мне Енин.
- Вы обещали мне утвердить калькуляцию, рабочим вновь срезали зарплату.

Енин вызвал в кабинет Фунтикову.

- Почему рабочие недовольны зарплатой? – обратился к ней Радаев.
- Кайков завысил расценки в калькуляции.
- У него перерасход заработной платы? – спросил Енин.
- Перерасхода нет.
- Расценки взяты по нормам, как меня учили в строительном институте, - вмешался я в разговор, - вот где вас учили творить такой произвол с расценками и с людьми?

Она не замедлила перейти в наступление.

- Он специально подстрекает рабочих, чтобы заработать авторитет.
- Мне не нужен авторитет, мне надо выполнить план и подготовить объект к навигации, чтобы у заказчика не было проблем со складированием пиломатериалов. Вы своими действиями срываете выполнение плана, - сказал я.
- Прекратите споры, - вмешался Радаев.
- Калькуляция составлена правильно? - обратился он к Енину.
- Калькуляция составлена грамотно.
- Почему тогда вы ее не утверждаете? Рабочие жалуются на Кайкова, а не на Фунтикову.
- Сегодня утвержу.

Чувствовалась его нерешительность и какая-то зависимость от Фунтиковой.

- Утвердите в моем присутствии, - потребовал Радаев.

Взяв утвержденную калькуляцию, я помчался на участок и вручил ее одному из бригадиров. К обоюдному удовлетворению работы были возобновлены. Рабочие работали даже в актированные дни, когда температура воздуха была ниже сорока пяти градусов. Актированных дней было не мало в году, заработок рабочих в такие дни сильно снижался, им производилась оплата по тарифу ставки их разряда.

Строганина

На работу я ездил на городском автобусе. Меня немало удивляло доброжелательное отношение водителей к пассажирам. Они останавливали автобус по любой просьбе. Нередко можно было слышать голос водителя:

- Петровна, подъехали к твоему дому, выходи, а то увезу до остановки, будешь идти к дому по морозу.

В мороз водители всегда останавливали автобус, если видели на дороге пешехода. Скоро я понял, что жители небольшого города все знают друг друга и живут большой семьей. Сообща легче переносить трудности заполярной жизни. Они доверяют друг другу. У соседа всегда можно занять деньги, если, например, их не хватает на покупку автомашины.

Моя жена работала в ОКСе лесокомбината. Ее сотрудница Архипова пригласила нас в гости на ноябрьский праздник. Мне было интересно познакомиться с новыми людьми, особенно с ее мужем, так как я знал от жены, что он увлекается, как и я, охотой и рыбалкой.

Накрытый стол ломился от всевозможных яств. В Игарке снабжение было намного лучше, чем в Новосибирске. В любое время года в магазинах можно было купить мясо, колбасу, фрукты и другие продукты. Когда гости собрались, Володя Архипов сказал:

- Сейчас приготовлю строганину, и сядем за стол.

Я последовал за ним на кухню, чтобы узнать, как готовится это блюдо. Володя открыл форточку, достал сетку с крупной стерлядью, надел на левую руку рукавицу, взял рыбу за хвост и острым ножом снял со стерляди шкуру. Затем стал ее строгать на продолговатые стружки. Когда гора рыбной стружки на блюде оказалась на столе, послышались возгласы:

-Скорее наполняйте рюмки, пока строганина не растаяла.

Обходительная хозяйка положила мне на тарелку несколько рыбных мороженых стружек. Все закусывали строганиной и хвалили ее. Я положил один кусочек в рот и начал жевать. Вкус сырой рыбы вызвал у меня отвращение, мне хотелось выплюнуть, но было стыдно сделать это. Пришлось пересилить себя и проглотить.

В центре стола стояла приправа, состоящая из уксуса, перца, горчицы и мелко нарезанного репчатого лука. Гости из ложечки поливали этой приправой кусочки стерляди и с удовольствием их поедали.

Со временем вся моя семья полюбила строганину. О том периоде моей жизни приходится только мечтать. Я ежегодно покупал на рыбозаводе тайменя и нельму весом не менее чем десять килограмм каждая, более мелкую рыбу ловил сам. Рыба хранилась в сарае. Жена обычно говорила:

- Сходи в сарай, отпили кусок тайменя, я хочу испечь пирог. Да не забудь взять пару сигов, дети просят строганины. После удачной рыбалки, я обычно выносил во двор ведро воды, брал рыбу за хвост, макал ее в воду и бросал в снег. Рыба покрывалась ледяным панцирем и долго не теряла вкусовых качеств. Хранилась рыба в сарае, уложенная, как дрова в поленнице. О сохранности рыбы я не беспокоился, воровства в городе не было. За все годы проживания в Игарке, я не слышал о воровстве.

Легенда о вымпеле

По высокой воде в Игарскую протоку стали приходить баржи с пиломатериалом. Комбинат имел два причала - для низкой и высокой воды. Уровень воды в реке колебался более чем на десять метров. Пакеты досок с барж разгружались плавучими кранами «Ганс». На причале их захватывали лесовозы, похожие на саранчу с длинными ногами, и с головокружительной скоростью увозили на просушку.

Вскоре на рейде Игарской протоки стали появляться морские суда. Это были океанские лесовозы, погрузка леса шла на рейде круглосуточно. Освещение не требовалось, солнце не заходило за горизонт. На период навигации лесокомбинат завозил около трех тысяч временных рабочих. Когда уровень воды в протоке понизился и оголился причал низкой воды, к нему стали швартоваться суда. Среди них было немало иностранных под флагами разных стран. Мое внимание привлек вымпел одного из них. На белом поле была нарисована красная кисть руки. Позже я узнал легенду об этом вымпеле. В шестнадцатом веке один английский купец владел тремя парусными судами. Он вел успешную торговлю с Индией. Завозил в Англию чай, пряности, благовония, шелка и другой товар. Когда наступила старость, ему не хотелось делить три корабля между двумя сыновьями, хотелось сохранить свою компанию в одних руках. Он решил устроить между сыновьями соревнование на право владения компанией. Сыновьям сказал:

- Вы одновременно отчалите от одного корабля на шлюпках и пойдете к другому, на котором буду находиться я. Кто первым коснется кистью руки палубы моего корабля, тот будет владеть компанией.

За гонками наблюдали экипажи трех кораблей, все хотели знать, кто будет их новым хозяином. Силы у гонщиков были равны, только у финиша старшему брату удалось вырваться вперед на полкорпуса шлюпки и первому ухватиться руками за веревочный трап. Младший брат, видя, что проигрывает гонку, выхватил из ножен клинок, отрубил кисть левой руки и бросил ее на палубу. Отец признал его победителем. С тех пор на кораблях компании развевается вымпел с рисунком окровавленной кисти руки на белом фоне.

Кроме промышленных объектов, на моем участке строился восьмиквартирный жилой дом для работников Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции Сибирского отделения Академии наук. Дом находился на территории станции, рядом с лесокомбинатом. Я часто встречался с начальником станции доктором геолого-минералогических наук Александром Михайловичем Пчелинцевым. Это был интеллигент до мозга костей. На нем всегда была белая рубашка с галстуком, ходил тихой и плавной походкой, спокойная речь отличалась от разговоров, сдобренных крепким словом, которые мне постоянно приходилось слышать на стройке. Пчелинцева интересовал ход строительства дома с момента устройства свайных фундаментов. Сваи устанавливались методом забивки их в пропаренную скважину. Наблюдая за установкой свай, Александр Михайлович обратился ко мне:

- Вы не могли бы кроме свай установить металлические трубы длиной по десять метров?

- Это не сложно, покажите место их установки.

- У нас в смете на строительство дома не предусмотрены деньги на эти работы, - смущенно произнес он.

- Не беспокойтесь, в смете предусмотрены затраты на непредвиденные работы, вот в счет их мы и выполним эти работы.

Под домом были оборудованы три скважины для измерения температуры грунта. После завершения строительства дома, сотрудники станции установили в подполье самопишущие термографы и барографы. Когда я строил этот дом, то не предполагал, что мне придется в нем жить.

Перед сдачей дома в эксплуатацию, неожиданно для меня, Александр Михайлович предложил мне перейти работать на станцию, заниматься наблюдениями за выстроенными объектами, участвовать в научных экспедициях и постепенно накопить материал для диссертации. Немного поколебавшись, я дал согласие. Мне удалось избавиться от постоянных «контактов» с Фунтиковой и познакомиться с замечательными людьми, о которых расскажу ниже.

МЕРЗЛОТНАЯ СТАНЦИЯ

Мерзлотная станция – это единственное научное учреждение в Игарке, которое было создано в 1932 году для изучения условий строительства на вечной мерзлоте. Мерзлота преподнесла немало сюрпризов первым поселенцам. Когда на берег Игарской протоки высадились первые строители нового города, они построили дома, как было принято в Сибири, на сплошных фундаментах, под русские печи выложили прочные каменные фундаменты. Со временем дома стали коситься, а русские печи оседать, трескаться и разрушаться. Пошли разговоры, что это происки дьявола, который не хочет, чтобы люди оставались жить в этих краях. Сегодня дьявол хорошо изучен – это вечная мерзлота. Тепло от печей через каменные фундаменты передавалось в мерзлый грунт, он таял, превращался в грязевую жижу, а печи проседали.

Территория станции представляет собой небольшой участок в центре старого города. На нем размещены: контора, лаборатории, дом начальника станции, склады и восьмиквартирный жилой дом, в который я вскоре переехал жить. Все здания соединены между собой деревянными тротуарами, пространство между ними сохранено в первозданном виде. Здесь был кусочек тундры, заросший мхом, небольшое болотце с зарослями ивы по периметру. В центре стояла вышка триангуляционного знака, возведенного при освоении городской территории.

Достопримечательностью станции является подземная лаборатория. На глубине шести метров проходит туннель в мерзлом грунте без всякого крепления стен и свода. Вечная мерзлота является прекрасным помощником, когда она хорошо изучена. Стены туннеля являются наглядным пособием структуры вечной мерзлоты, которая похожа на слоеный пирог с чередованием слоев льда и грунта. Под ногами можно увидеть окаменевшее дерево, возраст которого около 32 тысяч лет. В туннели находятся двери в ниши-лаборатории, в которых установлены приборы для испытания грунтов при разных темпера-

турах. В одной из ниш организован музей. Все экспонаты: рыбы, птицы, мелкие животные сохраняются там в замороженном виде.

Новая работа

На первых порах мне предстояло изучить отчеты сотрудников мерзлотной станции с момента ее основания.

Из прочитанного я узнал очень многое о вечной мерзлоте, о ее свойствах, о методах строительства на ней.

В моих руках оказался документ, который написал первый начальник Мерзлотной станции Николай Иванович Быков. Отчету было столько же лет, сколько мне, я читал его запоем. В нем описывается строительство зданий, которые я видел в городе. Когда стал знакомиться со строительством опытного дома Мерзлотной станции, появилось чувство, что где - то об этом уже читал. Это чувство долго не покидало меня. Наконец, вспомнил, что это описано в романе А. В. Кожевникова «Брат океана». Отложив в сторону отчет, пошел в библиотеку, расположенную на первом этаже дома, в котором я жил и работал. Почитав роман, я понял, что автор романа знаком с отчетом, который лежал передо мной. Прототипом героя романа Н. И. Коровина был первый начальник Мерзлотной станции Н. И. Быков. В романе доходчиво, объективно и скрупулезно описывается вечная мерзлота и строительство на ней. Мне казалось, что я прикоснулся к чему - то священному, что недоступно рядовому читателю. В моих руках был отчет, который когда-то держали Быков и Кожевников. В опытном домике, описанном в отчете и романе, находилась контора станции. Мне захотелось его немедленно осмотреть. По деревянному тротуару направился к конторе. Было лето, рядом с тротуаром можно было пройти только в болотных сапогах, так как поверхность грунта оттаяла и превратилась в грязевую жижу.

Открыв дощатую дверь, попал в невысокое подполье, огражденное деревянным цоколем, передвигаться можно было только на корточках. Поцарапал ногтями столбы-фундаменты, они не были тронуты гнилью за тридцать с лишним лет существования. Под ногами были опилки. Захотелось узнать, в каком состоянии грунт под опилками. Руками разгреб опилки и убедился, что грунт под опилками находится в мерзлом состоянии. У меня появилась интересная мысль, поделиться которой я отправился к начальнику станции Пчелинцеву.

- Александр Михайлович, - обратился к нему, войдя в кабинет, - хочу с вами посоветоваться.

- Проходи, присаживайся к столу, в чем вопрос?

- Я только что был в подполье конторы, грунт под опилками в мерзлом состоянии.

- Это не новость, он не оттаивает с момента возведения дома.

-Дело в том, что современная методика расчета свайных фундаментов требует исключать из несущей способности сваи глубину деятельного слоя. По-

скольку грунт под домом не оттаивает, глубину до двух метров можно учесть при расчете. Это даст большую экономию.

- Прекрасно, займись этим вопросом. Кроме нивелировки зданий, которая тебе поручена, установи наблюдения за температурным режим грунтов и воздуха в подпольях домов. Может получиться интересная тема для диссертации.

От Пчелинцева я вышел окрыленный идеей накапливать материал для диссертации. Я отдавал себе отчет, что у меня мало знаний и опыта, надо читать и учиться.

Сосед и учитель Николай Филиппович

Мой рабочий стол в лаборатории стоял рядом со столом Николая Филипповича Григорьева. У него был девиз: ни дня без страницы. В течение рабочего дня редко отвлекался от работы, писал научные отчеты и статьи. Ученик академика Обручева, он был неутомимым исследователем Севера. Из под его пера вышли научные книги: «Тайны якутского шельфа», «Оазисы Антарктиды» и другие. Его работоспособность придавала мне усидчивости.

Наблюдая за Николаем Филипповичем, я думал: какая у него благодатная работа. Не надо по морозу бегать от одного строящегося объекта к другому, подгонять рабочих, переживать за выполнение плана. Тогда я еще не знал, что такое провести сезон в экспедиции среди полчищ оводов, комаров и злющей мошки. Он более двадцати лет проработал в Якутии в институте Мерзлотоведения, в Игарку перевелся работать, чтобы иметь возможность изучать шельф морей Западной Сибири.

Сотрудник станции, работавший до войны вместе с Григорьевым в Московском институте мерзлотоведения, рассказал мне историю защиты Николаем Филипповичем кандидатской диссертации. Его работа вызвала живой интерес у членов Ученого совета, несколько выступающих предложили по результатам его диссертации присвоить ему ученую степень доктора наук, минуя кандидатскую степень. Такое предложение могло иметь плачевный результат. При тайном голосовании большинство членов Ученого совета могли проголосовать против присуждения ему ученой степени. Среди ученых это называется бросить черный шар при тайном голосовании.

Положение спас академик Н.А. Цытович (по его учебникам я учил предмет основания и фундаменты в строительном институте.) В своем выступлении он дал высокую оценку диссертации Григоьева и предложил:

- Уважаемые члены Ученого совета, давайте не будем лишать себя удовольствия через некоторое время вновь заслушать Николая Филипповича при защите докторской диссертации, а сегодня присвоим ему ученую степень кандидата географических наук.

С Николаем Филипповичем мы были соседи, наши квартиры были расположены на одной лестничной площадке второго этажа дома Мерзлотной станции. Общительный, энергичный, жизнерадостный, он часто бывал у нас. Низкого роста, полный, быстро семеня ногами, казалось, что он не входит, а

вкатывается в квартиру. За такую манеру передвигаться его прозвали колобком. У него были жена Татьяна и сын Алексей, которые жили в Москве. Жена преподавала в Московском государственном университете, сын был студентом. Виделись они несколько раз в год, эти встречи были продолжительными. Каждое лето Татьяна приезжала со студентами на практику в его экспедицию, отпуск проводила в Игарке. Он в свой отпуск уезжал к ней в Москву и несколько раз в год бывал в столице в командировках.

Впервые они встретились в экспедиции. Николай Филиппович был опытным исследователем Севера, она студенткой на практике. Прокладывая маршрут по якутской тайге, они не успели до темноты вернуться в лагерь. Ночевать у костра было холодно. По неопытности Татьяна не взяла с собой спальный мешок, ей пришлось залезть в мешок к своему руководителю, чтобы отогреться. После этой экспедиции они зарегистрировались, и у Татьяны родился сын. Она считалась способной студенткой, ее дипломная работа была высоко оценена, ей предложили остаться работать в университете. Вскоре она защитила кандидатскую диссертацию.

Несколько лет спустя, будучи в командировке в Москве, я навестил Николая Филипповича. Его квартира была в доме Академии наук СССР на Ленинградском проспекте, недалеко от универмага «Москва». После бурного приветствия и рукопожатия я был приглашен в рабочий кабинет, Татьяна начала накрывать стол в кухне-столовой.

Мы сидели в креслах и вели беседу, как, давно невидевшиеся друзья . Николая Филипповича интересовали любые мелочи в жизни станции, которые произошли после его отъезда. Я чувствовал себя попавшим в музей. На полу, посредине кабинета, лежала шкура белого медведя, рядом, в правом углу, огромный бивень мамонта. Это был уголок Арктики.

Соседний угол представлял Антарктику. Больше всего меня удивило прекрасное чучело пингвина. На книжных полках, рядом с книгами, красовались различные минералы, куски выветренных пород с Антарктиды, редкие морские ракушки. Мое внимание привлекла упряжка собак с нартами, вырезанная из бивня моржа. Она словно летела, поднимаясь на возвышенность по заснеженной тундре. Я попросил его рассказать об этом экспонате, надеясь узнать что-то интересное, кроме того, что уже знал. Он, из-за своей скромности, только сказал, что это память о Чукотке.

С Николаем Филипповичем часто происходили маленькие истории.

После нового года подхожу я к своему дому. Погода морозная, тихо. Из трубы соседнего домика струится белый дым, он повис над трубой, не сдвигаясь в сторону. Вижу Николая Филипповича на крыше нашего дома. Поздоровавшись с ним, спросил:

- Что вы делаете в такой мороз на крыше?

- Пока был в командировке, трубу затянуло куржаком, не могу разжечь печь, весь дым идет в комнату, - ответил он.

Когда я вошел в квартиру, жена позвала меня на кухню и стала жаловаться:

- С нашей печью случилось что-то неладное, в нее забрался какой-то дьявол, бегает вверх-вниз по дымоходу, стучит по кирпичам.

В это время Николай Филиппович очередной раз ударил длинной палкой через трубу в нашу печь, из топки посыпались зола и искры. С хохотом я выскочил на улицу и закричал:

- Николай Филиппович! Зачем вы чистите нашу трубу?

- Я думал, что это моя труба, так как из нее идет дым. Я же затопил печь.

Мне стало жаль пожилого человека. Быстро забрался на крышу и помог ему прочистить его трубу.

Как многие ученые, он имел свои странности. Над ним иногда подшучивали. Обид на шутников он не держал, так как сам любил пошутить. Обедать ходил в заводскую столовую, которая была недалеко от Мерзлотной станции. В руках у него всегда был большой портфель, с которым он никогда не расставался, даже в тех случаях, когда шел из лаборатории в контору. Его иногда спрашивали:

- Николай Филиппович, вы, наверное, спите с портфелем?

- Кладу под подушку, люблю, чтобы подушка лежала высоко,- отвечал он невозмутимо. Затем спросил:

- Хотите знать, что в портфеле? – и, подумав, добавил, - Не узнаете, не старайтесь.

Однажды ему в портфель, под папки с бумагами, положили кирпич. Шутники несколько дней внимательно следили за ним, ждали, когда он обнаружит кирпич и возмутится, но он спокойно ходил с портфелем в столовую, по станции и уходил домой. Наконец, один шутник не выдержал:

- Николай Филиппович! – вы бы посмотрели, что у вас лежит в портфеле.

- Знаю. Кто положил, тот пускай и вынет. Сегодня оставлю портфель на столе.

Вместо смеха, на лицах шутников были кислые мины - шутка не удалась.

В те далекие годы стиральных машин и порошков не было. Стирать приходилось вручную, и сушить белье на морозе. Приходит как-то к нам Николай Филиппович и спрашивает у Наташи:

- Почему у вас постельное белье белоснежное, а у меня серое?

- Я его замачиваю, натираю мылом, затем кипячу на плите.

На следующий день он повесил во дворе сушить выстиранное белье, оно все было в черных разводах. Оказалось, что он кипятил его вместе с черными трусами.

Как-то мы с Наташей встретили Николая Филипповича в Доме культуры. Он, как и мы, пришел смотреть кино. Домой возвращались вместе. Стояла полярная ночь, снег скрипел под ногами, мороз заставлял двигаться быстрее. Мы шли под ручку, Николай Филиппович семенил рядом. Неожиданно Наташа сказала:

- Николай Филиппович, вы забыли выключить свет.

- К нему, наверное, залезли воры, - добавил я.

- Ничего подобного, я специально оставил свет включенным, чтобы, возвращаясь домой, думать, что меня дома кто-то ждет.

Как обычно, в воскресенье, Николай Филиппович зашел к нам отдохнуть от своей научной работы. Он трудился не только в лаборатории в рабочие часы,

но и в свободное время. Меня дома не было, Наташа хлопотала на кухне, наш двухлетний младший сын Дима раскладывал на столе карты и рассматривал картинки.

- Дима, давай сыграем в карты, - обратился Николай Филиппович к ребенку.

- Давай.

Николай Филиппович собрал, перетасовал и раздал карты.

- Дима ходи, твой первый ход.

Дима встал из-за стола и начал ходить по комнате.

- Садись за стол, я покажу тебе, как надо ходить.

Николай Филиппович взял одну свою карту, поднял ее выше головы и резко ударил ею по столу.

- Бей, Дима, мою карту.

Дима, недолго думая, поднял свою руку и ударил кулаком по карте.

- Давай-ка, дружок, сыграем в другую игру, в карты у нас не получается. Когда я пришел домой, он с улыбкой рассказал мне про игру в карты.

Каждый вечер, в десять часов, Николай Филиппович заходил к нам и голосом, не требующим возражения, говорил мне:

- Нас ждет Диксон.

Первое время Наташа вступала в разговор, - «какой Диксон, самолеты из Игарки туда не летают».

- Полетим через Норильск,- отшучивался он.

Диксон - учебник английского, по которому Григорьев совершенствовал свои знания иностранного языка. Он включал проигрыватель с пластинкой разговорной английской речи, затем вслух повторял услышанное. В диалоге ему был нужен партнер, и он нашел его в моем лице. Через два года, благодаря этим занятиям, я успешно сдал кандидатский экзамен по английскому языку.

Во время зимовки на Антарктиде Григорьев познакомился с канадскими учеными, вел с ними переписку, мечтал побывать в Канаде. Его несколько раз приглашали в Канаду на научные конференции, но из-за сложной международной обстановки в тот период, ему не разрешали поездку за границу.

После урока английского языка Николай Филиппович знакомил меня со своей коллекцией марок. Он был лучшим филателистом в Игарке, а может быть не только в ней. Его коллекция марок называлась: «Под Полярной звездой и южным Крестом». В ней были собраны практически все марки, посвященные открытиям в Северном ледовитом океане и в Антарктиде. В марках была запечатлена эпоха великих открытий. О каждой марке он знал все - историю изображенного на ней события, биографию героев. В его коллекции не было марки: «перевертыш Ливаневского». Легенду, которую об этой марке рассказал мне Николай Филиппович, перескажу отдельно.

Мы обычно сидели в креслах перед низеньким столиком, на котором стоял проигрыватель, на электрической плитке закипал чайник, Николай Филиппович наливал в кружки ароматного чаю, с наслаждением пил маленькими глотками и рассказывал мне интересные случаи из своей жизни. Я очень

жалею, что не записывал тогда все услышанное от него. У меня очень хорошая зрительная память, я до мельчайших подробностей помню все, что видел и очень многое забыл, что слышал. И вот теперь, через сорок с лишним лет, я вижу его жизнерадостным, целеустремленным, заряжающим меня своей неиссякаемой энергией. Рядом с ним я чувствовал себя человеком, делающим первые шаги в науке, и верил, что со временем могу стать ученым.

В то время ему было далеко за пятьдесят лет. В нем не чувствовалось дряхлости, была воля и кипела энергия.

Мой взгляд постоянно останавливался на почтовом ящике, висевшем на внутренней стороне наружной двери, на нем была нарисована голова поросенка, под которой надпись: уходя из дома, не забудь покормить поросенка. Я не придавал значения этой картинке, думал, что человеку она понравилась, вот он и приклеил ее на дверь. Однажды я заметил, как Григорьев, уходя из дома, бросил в ящик десять рублей. Тайна его чудачества раскрылась через несколько месяцев. Он пригласил сотрудников Мерзлотной станции к себе в гости. На столе в изобилии были колбасы, буженина, ветчина, окорок. Кто-то из сотрудников спросил:

- Николай Филиппович, по какому поводу мы собрались?

- Я заколол поросенка, - был ответ.

Вспоминая сегодня этот случай, я думаю, что это было не чудачество. Он, кандидат наук, имеющий приличный оклад с северными надбавками, не мог позволить себе единовременно выложить крупную сумму денег, без длительного накопления.

Марка «перевертыш Ливаневского»

Когда в Госзнаке начали печатать марку, посвященную Ливаневскому, сотрудники заметили, что изображение и надпечатка в перевернутом виде. Печатанье на время приостановили, исправили ошибку и продолжили печатать. Несколько листов с бракованными марками попали в продажу. Знающие филателисты стали охотиться за ними, марка стала филателистической редкостью и ценностью.

Якобы, при подготовке к Ялтинской конференции, Сталин вызвал к себе Берию и сказал:

- Узнайте, какие слабости имеет Рузвельт, и подумайте, какой мне ему сделать презент перед конференцией.

Через некоторое время Берия доложил:

- Рузвельт собирает марки, очень интересуется марками, посвященными нашим исследованиям Севера. У него нет марки «перевертыш Ливаневского». Сотрудники его посольства пытались найти ее в Москве, но безрезультатно.

- Что за перевертыш Ливаневского?

Берия рассказал историю марки.

- Почему она до сих пор не у меня?- спросил Сталин.

- Мои сотрудники узнали, что эта марка есть у трех московских филателистов. Двое эвакуировались из Москвы, третий не хочет расставаться с маркой.
- Кто такой?
- Профессор Никитин.
- А Вы разве не можете как-то повлиять на него?
- Конечно, товарищ Сталин, очень даже можем. . .
- Тогда занимайтесь делом, а не разговорами.

Вскоре марка оказалась у Сталина, а профессор Никитин в Игарке.

Ходили слухи, что при первой неофициальной встрече Сталин подарил Рузвельту конверт с маркой. От радости Рузвельт чуть ли не подпрыгивал в своей коляске. При переговорах Рузвельт во многих вопросах поддержал Сталина. Так, например, Черчилль считал, что всех военных преступников - фашистов надо расстрелять. Сталин предложил создать международный трибунал, чтобы был прецедент на весь мир. Рузвельт его поддержал. Он также поддержал список военных преступников, предложенный Сталиным, которых следует судить международным трибуналом.

Вот такую интригующую историю марки услышал я от моего знающего давнего друга Николая Филипповича.

Наши соседи

Кроме Николая Филипповича нашим соседом был Федор Григорьевич Бакулин. Ему было около пятидесяти лет. Невысокого роста, плотного телосложения, с приятным, всегда улыбчивым лицом. Стоило кому- нибудь обратиться к нему с любым вопросом, даже нелицеприятным, на его лице моментально расплывалась улыбка. Трудно было понять, что выражала эта улыбка: любезность, насмешку или удивление. Мне казалось, что он был до приторности вежлив. Женщинам очень нравилась его обходительность.

В Москве у него была жена и взрослый сын. В Игарке он прожил более десяти лет, получил трехкомнатную квартиру, но жена отказалась ехать в Заполярье, она даже ни разу не приезжала к нему в отпуск. Ее вполне устраивала жизнь в Москве без мужа, с его большой зарплатой, которую он регулярно переводил ей.

Вместе со мной на Мерзлотной станции работали двое якутов. Они окончили Якутский университет и были по распределению направлены работать в Игарку. Гоша Карпов со своей русской женой Галиной жил в одном доме со мной. Он был невысокого роста, широкоскулый, с черными прямыми волосами на голове. В доме не было водопровода холодной воды, воду два раза в неделю подвозили в бочке на лошади к крыльцу дома. Лошадь была единственным транспортным средством Мерзлотной станции. Все жильцы дома

выстраивались в очередь, чтобы запастись водой. Около нашего дома стоял покосившийся домик, в котором жила пожилая женщина. Она всегда приходила за водой, когда бочку подвозили к нашему дому. Однажды она оказалась в очереди за Гошей. Когда он набрал полное ведро воды, она нечаянно толкнула его, и он пролил часть воды на свои ноги. Гоша разозлился, поднял ведро и вылил оставшуюся воду на женщину. На сорокаградусном морозе ее одежда быстро обледенела. Не набрав воды, она поспешила домой. Присутствующие осудили Гошу, но он ответил какой-то дерзостью, набрал воды и удалился. Я отнес ведро воды пострадавшей женщине. На следующий день сотрудницы станции во всех лабораториях обсуждали этот случай. По их требованию Гошу вызвали на заседание местного комитета и потребовали извиниться перед женщиной. Он заявил, что якуты перед женщинами не извиняются.

Прямой противоположностью Гоше была Светлана Аржакова. Она была высокая, статная, красивая, со жгуче - черными волосами. На светлом лице вечно играл румянец, и светились слегка раскосые глаза. Ее отец, якут, был управляющим делами Совета Министров Якутской АССР. Мать была русская, работала учительницей. Общительная и веселая, она быстро подружилась с нашей семьей. Часто забегала только для того, чтобы поздороваться. Наших детей целовала по-якутски - терлась своим носом об их носы. Ее любимым блюдом была сырая рыба. Как-то, зайдя к нам, увидела, что Наташа чистит мороженых сигов, сразу попросила мороженой икры. Я до сих пор вспоминаю, с каким наслаждением и радостью она ела мороженую икру. От удовольствия прищуривала глаза, по лицу расплывалась счастливая улыбка.

Ловля зубатки

Апрель в Заполярье условно можно назвать весенним месяцем. Солнце уже высоко поднимается над горизонтом, ярко светит, но еще стоят легкие морозы. Снег на солнцепеке днем слегка подтаивает, ночью замерзает, сугробы покрываются настом, по ним можно ходить без лыж. В один из таких дней я узнал, что в Енисей зашла зубатка. Через дорогу от Мерзлотной станции находилось пожарное депо. Свободные от дежурства работники собирались на рыбалку. Я присоединился к ним. Стоял воскресный день, машин на дороге не было, восьмиместный газик, выкрашенный в красный цвет, летел быстрее, чем на пожар. Все работники пожарной охраны отменные рыбаки и охотники. Их устраивали небольшие оклады. Главный их стимул - три дня свободного времени после суток дежурства.

- Покажите ваши снасти, - обратился ко мне один из пожарных.

Я достал из рюкзака удочку, привезенную из Новосибирска. На конце лески была привязана легкая мормышка.

- Такая снасть в наших местах не годится, течение будет сносить и приподнимать от дна блесенку. Нужен тяжелый груз и крупнее крючок.

Водитель протянул мне увесистую гайку. Я привязал ее к концу лески, выше на поводке крючок.

Газик довез нас до пионерских лагерей, стоящих на берегу Енисея, около которых заканчивалась прочищенная от снега дорога.

- Вечером за вами приеду, - сказал водитель и, не задерживаясь, укатил.

Почти весь город высыпал на лед Енисея. Народа было больше, чем на первомайской демонстрации. Здесь, кроме мужчин, рыбачили женщины и дети. Люди толпами стояли вдоль берега. Подойдя к ближайшей толпе, я увидел, что около каждой лунки подпрыгивала рыба. Она не хотела смириться с неволей, делала попытки плыть, но ей этого не удавалось сделать. В воздухе растекался аромат огурцов. Зубатка по внешнему виду и по запаху огурцов напоминала дальневосточную корюшку. В качестве наживы все использовали нарезанные кусочки зубатки.

Я пробурил лунку недалеко от рыбаков, у которых лежало больше рыбы, чем у других, опустил привязанную к леске гайку на дно и стал ждать поклевку. Зубатка не заставила меня долго ждать, леска задергалась, передавая рывки через короткое удилище руке. Сердце радостно забилось, рука сделала подсечку и я стал торопливо выбирать леску, выводя с шестиметровой глубины добычу. Клев был повсеместно, менять место и бурить новую лунку не было смысла. Меня удивил сосед на льду, когда отошел на несколько метров от своей лунки и начал бурить новую. Скоро я понял, что он был не новичок, как я, на такой рыбалке. Пробурив лунку, он достал из рюкзака половинку кирпича, привязал его к толстой леске, к которой выше на поводке был привязан крупный крючок, насадил на него живую зубатку и опустил в лунку. Леску привязал к ветке, воткнутой в снег. Я периодически поглядывал на ветку, меня интересовало, кто клюнет на такую примитивную жерлицу. Первую поклевку я прозевал. Мужчина побежал к ветке, она дергалась и кланялась к лунке. Ближайшие рыбаки бросили рыбачить и собрались вокруг него. Вскоре из лунки показалась тупая голова налима, он с трудом проходил через лунку, виляя хвостом, помогал рыбаку вытащить его на лед. Его вес был больше четырех килограммов. На севере налимов не используют в пищу, обычно они идут на корм собакам. Зато печень налима является деликатесом. Зубатка привлекла к себе не только рыбаков, но и хищников водоема.

Домой все возвращались с хорошим настроением и уловом, в машине стоял запах свежих огурцов, лица рыбаков покраснели от загара на ярком весеннем солнце. Каждый старался поведать свой случай на этой рыбалке. У одного налим схватил попавшуюся на крючок зубатку, он с трудом подтащил его ко льду, но не смог завести в лунку, налим оборвал тонкий повадок. Второй рыбак привязал к леске три крючка и хвастался, что иногда вытаскивал по две зубатки одновременно. Затем стали вспоминать рыбацкие байки прошлых лет. Мне не чем было похвастаться, меня переполняло чувство удовлетворения и радости, что я попал в коллектив страстных рыбаков – людей, близких мне по духу.

Охота на гусей

Перед ледоходом, мой новый знакомый Володя Архипов предложил мне составить ему компанию на охоте. Он в Игарке жил несколько лет и знал, что с ледоходом, по чистой воде, начинается прилет уток и пролет гусей дальше на север. Мне еще не приходилось добывать гусей, я давно мечтал принять участие в такой охоте, чтобы подержать в руках достойный трофей. С радостью согласившись, стал готовиться. Несколько раз звонил Володе, чтобы узнать, какое снаряжение надо брать с собой. Выход на охоту за водоплавающей дичью, по снегу и льду замерзшей реки, для меня был интересным и интригующим.

Через несколько дней мы погрузили на нарты, сделанные на полозьях из лыж, легкую дюралевую лодку, складывающуюся конвертом, уложили в нее рюкзаки, ружья, лыжи и другое снаряжение, накинули на плечи петли веревок, привязанных к нартам, и двинулись в путь. Наш маршрут лежал по занесенному снегом льду Енисея, вверх по течению, к острову Гусиному. Спустившись по дороге на лед Игарской протоки, мы надели лыжи, так как ноги часто проваливались через снежный наст и снег попадал в унты. Миновав протоку, мы увидели просторы могучей реки. Левый берег едва просматривался вдали узкой черной полоской росшего на нем хвойного леса, правый берег был крутой и высокий. Всю поверхность реки покрывали огромные и высокие сугробы, нанесенные и уплотненные ветрами, гуляющими на бескрайнем просторе. Нарты легко скользили по насту, лыжи на наших ногах часто разъезжались в стороны, как на льду, и нам приходилось обходить высокие сугробы, так как мы не могли преодолеть крутые подъемы.

Солнце в это время года не заходит за горизонт, сильно припекало, стоял полярный день. Нам стало жарко в наших меховых шубах, мы бросили их в лодку и двигались налегке. На миг мне показалось, что мы две черные песчинки в бескрайнем океане белого простора, которые могут легко затеряться в этой ослепительно белой пустыне. Другое чувство, радости и гордости, было сильнее промелькнувшей слабости. Я чувствовал себя путешественником, открывающим новые, неизвестные мне места, вспоминал героев из произведений Джека Лондона, которые двигались по «белому безмолвию» к намеченной цели.

Володя говорил без остановки. С первых шагов он дал мне понять, что не новичок в этих местах. Я не собирался оспаривать его лидерство, внимательно слушал и молчал. Много говорить – это была его профессия. Он работал секретарем партийной организации лесопильно-перевалочного комбината. Закончив в Ленинграде лесотехнический институт, по распределению был направлен работать начальником лесопильного цеха в Игарку, очень хорошо себя проявил и был избран секретарем парторганизации комбината. В то время ему шел тридцать третий год. Высокий, худощавый блондин, с зачесанными назад волосами, имел строгое выражение лица, решительный и энергичный характер. Вместе с тем, он был добрый и отзывчивый человек.

В те годы население очень интересовалось книгами. В единственном в городе книжном магазине всегда стояли очереди за подписными изданиями. Люди стремились получить подписку на новые издания. Все население горо-

да знало директора книжного магазина Людмилу Михайловну. Неожиданно она скончалась от сердечного приступа. Сиротой осталась ее семилетняя дочь. Архиповы, имея двоих детей, не задумываясь, взяли девочку к себе и со временем удочерили.

. . . Ближе к полудню мы подошли к широкой пойме реки Большой. Невидимое русло реки проходило между высокими берегами, поросшими хвойным лесом, вся пойма была занесена снегом, из сугробов торчали только вершины кустарников. На высоком мысу, среди хвойного леса, стояла избушка, занесенная с одной стороны снегом до крыши. Когда мы поравнялись с избушкой, из нее вышел человек и стал смотреть в нашу сторону. Он, видимо, увидел нас через маленькое окошко в стене дома, обращенной в сторону Енисея. С большого расстояния разглядеть человека не представлялось возможности.

-Надо навестить старика, - сказал Володя, и мы потянули нарты к берегу.

На просторах бескрайнего севера люди редко встречаются в пути. Здесь не принято, как в городах, незнакомым людям проходить мимо, не поприветствовав друг друга. Любой путник, увидев стан или просто костер, обязательно свернет к нему, чтобы узнать новости и поделиться своими.

Оставив нарты у кромки берега, мы стали подниматься по крутому уклону к избушке. Нас встретил невысокого роста, худощавый, с широкими скулами пожилой эвенк. Его лицо, со следами оспы, изрезали глубокие морщины. Наряд состоял из потертой безрукавки, сшитой из оленьих шкур, хлопчатобумажных брюк с заплатами, на голове треух из песца. Мягкие торбаса из оленьих шкур доходили почти до паха и держались на тонких ремнях, привязанных к поясу.

Поздоровавшись с нами за руку, он жестом пригласил в избушку. В избушке на плите уже кипел чайник, рядом суетилась пожилая хозяйка. Мое внимание привлекла ее голова, без признака волос. Она спохватилась, поспешила к кровати, где лежала косынка и повязала ей голову. Долг гостеприимства требовал накормить путников, только затем расспрашивать, не проявляя назойливости. Если гость захочет, он сам обо всем расскажет.

Вскоре на столе появилась оленина и мороженая рыба. Володя достал из внутреннего кармана бутылку спирта.

- Однако, я тебя знаю,- обратился хозяин к Володе.

- Два года назад я гостил у вас с друзьями, когда весной шли на охоту.

- Однако, на Гусином охотились?

- В тот год мы во время попали на остров, охота удалась. Не знаю, повезет ли в этом году?

- Однако, рано идете, вода опоздает.

- Кто-нибудь проходил на Гусиный? - спросил Володя.

- Мы со старухой не видели, может, проходил.

- В избушке против острова кто-нибудь живет?

- Живет вербованный. Мой путик проходит недалеко, я иногда навещаю его. Путиком называют лыжню, проложенную по кругу, вдоль расставленных капканов и ловушек. По ней охотник периодически обходит и осматривает капканы.

- Скажи, удачная в этом сезоне охота?
- Соболюшка был, песца проходило много, откормил двадцать штук.

. . . Осенью, до ледостава, вдоль Енисея идет массовая миграция песцов из тундры в лесную зону Заполярья. В это время песец еще не вылинял, не превратился, как заяц, из серого в белого. Местные жители часто используют запрещенные способы лова. На участках, где крутой берег близко подходит к воде, строят деревянный забор, в котором оставляют несколько проходов, против которых ставят клетки-ловушки. Песец, попав в клетку, захлопывал за собой дверцу. Пойманных песцов пересаживают в заготовленные клетки и откармливают рыбой до готовности меха. . .

- Скажите, пожалуйста, - обратился я к старику,- вас часто навещают люди?
- Хорошие люди часто, несколько лет назад, перед пожаром в городе, заходил плохой человек. Я его сначала не узнал. Высокий, стройный, старый и седой. Знакомым показался шрам на левой щеке от глаза до подбородка. Сказал, что геолог, у них в экспедиции человек заболел, надо вывезти вертолетом. Попросил у меня лодку добраться до Игарки. Дал я ему лодку, как не дать в таком случае? Когда город загорел, я вспомнил, что видел его в отряде белых офицеров, прибывших на пароходе «Енисейск». Они отобрали у меня оленей.

. . . После захвата власти в Сибири Колчаком, большевики и красноармейцы из Красноярска отступили на пароходах вниз по Енисею. Белогвардейцы на «Енисейске», вооруженном пушкой и пулеметами, бросились в погоню. Многие суда потопили. Высадившихся большевиков на берег, разыскивали по станкам и расстреливали. . .

Я обратил внимание, что у местных стариков крепкие, целые зубы, они уверенно ими перемалывают твердую оленину. В рационе эвенков не бывает овощей и фруктов, но они не болеют цингой. Это объясняется тем, что они постоянно едят сырое мясо и рыбу.

Хозяина избушки звали Тэтако, что в переводе на русский язык означает оленевод. Родился он в начале века во время массового отела. У эвенков часто имя ребенку давали в зависимости от событий, места и времени его появления на свет. Это было задолго до революции, много воды утекло в Енесее с тех пор, сильно изменился облик его края, появились города на бескрайних просторах севера. Немало повидал на своем веку Тэтако, помнил купца Хасавако, который торговал с эвенками в низовье Енисея. Привозил ружья, боеприпасы, капканы, муку, сахар, ткани, бисер. У купца было русское имя, но его было трудно произносить. За высокий рост и крепкое телосложение его стали звать Хасавако, что означало крупный мужчина.

Бисер очень ценился среди женщин. Им вышивали узоры на унтах и кухлянках - куртках из оленьих шкур. Свой товар купец менял на пушнину. Эвенки всегда оставались в долгу, который записывался в долговую книгу. Поскольку все жители были безграмотными, они не ведали, что записывает купец в книгу. Должников заставлял отрабатывать на рыбных промыслах. Каждый год в Енисей заходит туруханская селедка. К Игарке она подходит в конце сентября, когда навигация по Енисею закончена. Купец свозил долж-

ников летом в низовье реки на Бреховские острова. Необитаемые острова оживлялись, появлялись чумы, шалаши, всюду дымились костры. Многие приезжали семьями. На песчаных отмелях периодически делались пробные тони – ждали подхода рыбы.

Селедку ловили ночью сплавными сетями. При массовом подходе, она попадала почти в каждую ячею. При подъеме сети, особенно в лунную ночь, она казалась сплошной, живой стенкой, трепещущейся и отливающей серебром на фоне темной воды. Выбирать рыбу приходилось очень долго. Редко удавалось за ночь сделать две тони. Пойманную рыбу солили в бочках.

Осетров и стерлядь ловили ставными сетями с крупной ячеей. С этой рыбой надо быть осторожным. Попадались экземпляры, которые могли не только перевернуть лодку, но и утащить с собой в воду рыбака, запутавшегося в сети. В таком осетре икры было больше ведра. Осенью улов сдавали купцу. Тэтако попал в большие долги к Хасавако и стал его работником.

С установлением советской власти Хасавако долго скрывался под остяцким именем, но когда понял, что его воле приходит конец, бежал в якутскую тайгу, где его никто не знал. Его обоз состоял из пяти нарт, запряженных оленями и табуна запасных. С ним ехала жена, остячка Лондра, и двое работников. Шли строго на восток, ориентируясь по солнцу. Путь пролегал по лесотундре с многочисленными болотами и глубокими озерами. Нарты легко скользили по мокрому, мягкому мху. Бывший купец торопил обоз, ему хотелось скорее уйти подальше от знакомых мест, приходилось часто менять оленей. На одной из стоянок ночью сбежал один работник, прихватив с собой груженые нарты и с десяток оленей. Хасавако в страхе, что сбежавший работник может организовать за ним погоню, изменил направление маршрута несколько южнее ранее выбранного. К началу ледостава, караван подошел к реке Катуй - притоку Катанги. У беженцев оставалось три нарты и два десятка оленей. Пришлось сделать вынужденный привал. Поставили чум. Олени паслись в нетронутой тундре. Тэтако охотился на диких оленей и куропаток, Лондра чинила одежду. Хасавако постоянно промерял толщину льда - ему хотелось скорее оказаться на другом берегу. Наступили первые зимние дни с небольшим морозом, моховой покров тундры замерз, при движении по нему хрустел и ломался. Выпал мягкий, пушистый снег, олени легко отгребали его копытами и поедали ягель. Для охоты была самая лучшая пора. Тэтако пожалел, что не взял с собой собаку, ему часто попадались следы соболя. Одного крупного, черного соболя он заметил на лиственнице. Прежде, чем его добыть, подумал:

- Зачем сидишь на лиственнице, залез бы на сосну, я бы тебя не заметил.

Сняв с соболя шкурку и обезжирив ее, повесил сушить в чуме. Через два дня Хасавако взял шкурку и положил в свою нарту.

- Какой жадный, - подумал Тэтако, - везет мешок меха, ему все мало.

Когда лед окреп, Хасавако заявил:

- Хочу опробовать лед, если надежен, тронемся в путь.

Он благополучно переехал на другой берег и скрылся за кустами. Тэтако и Лондра долго ждали, когда он появится вновь на льду, но не дождавшись,

решили, что с ним случилась беда. Запрягли оленей в нарту и поехали на противоположный берег. За прибрежными кустами до горизонта простиралась тундра, по которой уходил в неизвестность след от нарт. Они поняли, что купец убежал от них. Он боялся, что они могут выдать его настоящее имя. Догонять его не было смысла, так как чум, вещи, олени были на другом берегу.

На следующий день они решили возвращаться на Енисей. Торопиться им было некуда. Каждый думал о своем.

Тэтако был рад, что избавился от жестокого и жадного хозяина. Олени есть, ружье есть, будет кочевать, чтобы никогда его не нашел Хасавако. Для эвенка тундра – родной дом. Надо только найти место, где есть корм для оленей и хорошая охота.

Лондра думала без сожаления:

«Никогда Хасавако меня не любил, поэтому бросил, надо с ним расходиться. Он на много старше меня, детей у нас нет».

В ее памяти промелькнули, как сон, годы, прожитые с нелюбимым человеком. Хасавако торговал с эвенками в низовье Енисея. Его пароход «Стойкий» часто останавливался около станка ее отца. Ему приглянулась молодая, красивая, расторопная девушка с черными, как смоль, густыми волосами, с раскосыми слегка глазами на румяном, смуглом лице. Ее имя Лондра (бабочка) полностью соответствовало внешнему облику. В пестром одеянии, она как бабочка, пролетала между чумом и костром, когда готовила еду.

Однажды Хасавако пришел к ее отцу с подарками, скостил ему часть долга и попросил взамен в жены его дочь. После выпитой «веселящей воды», отец согласился. Не мог он отказать купцу, от которого зависела жизнь стойбища. Хасавако взял Лондру на пароход, приодел, как куколку. Первый год Лондре было лестно, что она жена всем известного купца. Матросы часто смотрели на нее блестящими глазами, пытались с ней разговаривать, но купец быстро пресекал все их попытки сблизиться с Лондрой. Лето она проплавала на пароходе, побывала во многих станках, расположенных на побережье Енисея, на Бреховских островах, в его низовье, где многие ее соплеменники ловили рыбу для купца. Осенью муж оставил ее у отца, а сам на пароходе ушел в Красноярск, заявив, что там у него много дел, весной к ней вернется. Так повторялось каждый год.

Тэкато предложил Лондре переехать на новое место. В одном переходе в сторону Енисея он приметил очень хорошее место для стоянки, охоты и рыбалки. К большому озеру с одной стороны стеной примыкал хвойный лес, с другой стороны тянулась на север необозримая тундра. Оленей решили беречь, чтобы сохранить и приумножить поголовье, за время стоянки на берегу Котуя они хорошо отъелись и отдохнули.

На двух нартах с десятком запасных оленей тронулись в путь. По подмерзшей тундре олени бежали легко, снег вылетал из-под копыт, пар клубился из их ноздрей. Под скрип полозьев хотелось дремать, но Тэтако зорко смотрел вперед, он должен найти место, которое ему приглянулось по пути в эти края.

Чум поставили в лесу, на берегу озера. Здесь лес защищал чум от ветра, дрова были рядом, по воду ходить недалеко. Тэтако взял ружье, посмотрел на пасущихся оленей и пошел изучать места, в которых предстояло охотиться. Завтрашний день решил посвятить рыбалке. Если удача улыбнется, можно будет задержаться на месте этой стоянки. На душе было радостно и спокойно. Он почувствовал себя независимым человеком, у которого есть свой чум, олени, в чуме его ждет молодая женщина. Другого счастья эвенку не надо.

С небольших болот, занесенных снегом, постоянно взлетали табуны белых куропаток. Тэтако не стрелял – экономил патроны. Кроме того, он не хотел шуметь, чтобы не спугнуть крупную дичь, которую надеялся встретить. На куропаток решил позже поставить силки. Продвигаясь кромкой леса, он постоянно поглядывал на тундру. Его охотничье чутье подсказывало, что в этих местах должны кормиться олени. Охотничий опыт не обманул его. Впереди, вблизи леса, паслись дикие олени. Он начал их скрадывать. Передвигался, скрываясь за стволами деревьев, ноги ставил осторожно, как подкрадывающаяся к добыче рысь, не издавая шума, опасаясь треска сухих веток, глаз не отводил от пасущихся оленей. Стоило только какому-то из оленей поднять голову, он замирал на месте, как вкопанный. Когда до оленей оставалось метров сто, он прилег за поваленное дерево и стал ждать постепенно приближающийся в его сторону табун. Мороз был около двадцати градусов. Он его не чувствовал, ему было жарко, его возбуждала предстоящая встреча, сердце учащенно колотилось. Постепенно успокоился, руки крепко сжимали ружье. Когда табун поравнялся с ним, Тэтако выбрал молодого, упитанного оленя, тщательно прицелился и выстрелил. Табун вихрем умчался в тундру, прикрываясь снежной завесой поднятого копытами снега. На снегу осталась добыча.

Тэтако достал из берестяных ножен охотничий нож, перерезал горло у добытого оленя, напился теплой, солоноватой крови. Затем освежевал тушу, разделал ее на четыре части, отрезал кусок печенки и насладился ее вкусом. Его движения были отработаны до автоматизма. Зажимая край куска печенки зубами, быстрым движением руки отрезал почти у самых своих губ небольшой кусочек и, прищурив глаза, с удовольствием его поедал. Со стороны могло показаться, что он вот-вот отрежет себе губы. Мясо засыпал снегом, придавил ногой и поставил на нем стреляную гильзу. Нос уловил запах сгоревшего пороха.

- Хорошо, - подумал Тэтако, - такой запах далеко учуют волк и росомаха. Они никогда не решатся подойти к его добыче.

Захватив печень и кусок мяса, пошел к чуму, чтобы порадовать Лондру, и потом на оленях вывезти оставшееся мясо.

Лондра решила выделать добытую шкуру и сшить из нее новую обувь. Выделка шкур без химикатов - очень трудоемкий процесс. Шкуру надо тщательно обезжирить, высушить, затем небольшими участками слегка увлажнять и мять, разрушая внутреннюю структуру кожи, пока она не станет мягкой, как тряпка.

Тэтако поставил силки на куропаток, и каждый день приносил связку птиц. Озеро оказалось богатым рыбой, в его старенькую сеть ежедневно попадал хороший улов. Лондра помогала ему на рыбалке, она веревкой, продернутой подо льдом, затягивала в воду сеть, а Тэтако расправлял сеть у майны, чтобы она не запутывалась.

Когда наступила полярная ночь, у них скопился запас мяса и рыбы, не было смысла кочевать по незнакомым местам. На первой стоянке они прожили до весны. К Енисею молодая семья добралась через полтора года. К этому времени у них родился сын. . .

Простившись с гостеприимными хозяевами, рассказавшими нам историю своей жизни, мы покинули их убогое жилище, вся обстановка которого составляла две кровати, прикрытые выделанными оленьими шкурами, стол и табуреты.

Впрягаясь в нарты, я спросил Володю:

- Почему женщина лысая? Как давно они живут в этой избушке?
- Это любовная история.
- Разве от любви лысеют? – удивился я.
- У нас время есть, послушай эту северную байку.

У Тэтако была невеста, они собирались пожениться, обзавестись своим чумом. Уезжая с купцом, Тэтако обещал вернуться. Вернулся он через два года с Лондрой, ребенком и табуном оленей. Бывшая невеста затаила злобу на свою подругу Лондру. После долгих скитаний у Лондры появилась перхоть на голове, черные волосы были обсыпаны, как мукой. Подруга посоветовала ей мыть голову отваром из кедровых орех, хвои и еще каких-то трав. После мытья головы таким отваром она облысела. Подруга думала, что Тэтако бросит жену, но это было не в обычаях эвенков. Тэтако гордился Лондрой, которая предпочла его известному во всем низовье Енисея купцу Хасавако.

-Почему они живут в этом неуютном месте? - повторил я свой вопрос, - наверное, получают пенсию, могли бы жить в городе.

- Ты видел хоть одного эвенка, живущего в городе?- задал в свою очередь мне вопрос Володя.
- Нет, не видел.
- Ты сам ответил на свой вопрос. Эвенку нужен чистый воздух, окружающая природа без посторонних людей, возможность заниматься привычным делом: охотой и рыбалкой. Этот район был родовым участком его племени. В нескольких километрах от Енисея тянется ягельная тундра. Там паслись олени его рода. По реке весной поднимается на икромет много всевозможной рыбы. В лесу водится много всякой дичи. Тэтако последний человек из своего рода, он не хочет покидать родные места. Лес знает лучше, чем мы порой свою квартиру. Оленей у него давно нет, поселился на берегу Енисея, чтобы было можно сплавляться по воде в город для сдачи пушнины и за продуктами.

Я смотрел на широкую долину реки Большой, на высокий берег, заросший хвойным лесом, и думал: смог бы я всю жизнь прожить в таком месте без общения с людьми? Сам себе ответил: нет, не смог бы. Мы, люди, выросшие

в городах, любим окунаться в лоно природы. Это желание заложено в нас, как зов предков. Однако, оказавшись по велению сердца вдали от городского шума и суеты, нас начинает тянуть к себе снова город. Так и эвенк не может жить в городе, его тянут к себе родные места.

Путь до острова Гусиного нам давался довольно легко. Поднимаясь на пологие сугробы, мы скатывались на лыжах, как в детстве с горок. Груженые нарты стремились догнать нас и подтолкнуть вперед. Приходилось разъезжаться в стороны и пропускать нарты вперед. Когда вошли в протоку между островом и берегом, начали попадаться торосы. Отдельные кучи тонких ледяных пластин, поставленных торчком, были высотой около метра. Приходилось приподнимать нарты за переднюю часть и втаскивать их на торосы. Вскоре нам пришлось взять в руки топоры и скалывать высокие торосы. Лед легко поддавался топорам и рассыпался на мелкие куски. Рубить лед было легче, чем втаскивать на него нарты. Яркие солнечные лучи, отражаясь от снега, множества ледяных зеркал, слепили глаза, приходилось жмуриться и смотреть через узкие щелки глаз. Наши лица покрылись красным загаром, от него болезненно саднила кожа на носу и скулах. Володя предусмотрительно взял с собой черные очки и не испытывал неприятных ощущений, которые испытывал я. К концу дня мы подходили к избушке, стоящей среди леса, на правом берегу Енисея. Через неширокую протоку, в лучах яркого солнца, красовался остров, на котором нам предстояло охотиться.

Нас вышел встречать человек, лицо которого страшновато заросло густыми черными волосами. Только по выражению его глаз можно было угадать, что он не старше нас. Наш визит его обрадовал, видимо, ему надоело одному коротать длинную зиму. Познакомившись, мы попросили у Василия, так он представился, согласия пожить в избушке несколько дней.

- Только через ресторан, - улыбаясь, ответил он.
- Нет проблем, впрягайся в нарты, поедем в город, завтра вернемся,- пошутил Володя.
- Заходите в дом, - предложил Василий, - там обсудим все проблемы.

Избушка была просторной, вдоль двух стен расположены широкие нары, у окна, выходящего в сторону протоки,- стол. В центре стояла металлическая печь, пышущая жаром. На столе стояли чисто вымытые жестяные и стеклянные банки, разнокалиберная посуда, закопченный алюминевый чайник, кастрюля и другие предметы кухонного обихода. Хозяин не стремился к домашнему уюту, чувствовал себя временным жильцом.

Василий завербовался в Игарку на сезон навигации морских судов по Енисею. Работал стивидором. Так называются рабочие, ведущие погрузку леса в морские суда. Работа ему нравилась, в бригаде подобрались крепкие парни, погрузку судов всегда заканчивали раньше установленного срока. Заработки были высокими, за сокращение срока погрузки получали премиальные, которые порой составляли половину всего заработка.

Перед отъездом из Игарки, как он нам сказал, его в общежитии попутал бес. Бесом оказался картежный шулер, которому он проиграл весь заработок. Денег на билет не осталось , пришлось наняться работать в горкомхоз,

чтобы прожить до будущей навигации. Ему предложили жить в этой избушке и заготавливать метлы, черенки для лопат и топорища. . .

На следующий день мы надели лыжи, взяли лопаты, профили гусей, изготовленные из фанеры и окрашенные в черный цвет, и покатились с горки на протоку, чтобы пересечь ее, и на острове подготовить место для охоты. На берег острова поднялись легко, так как метели сравняли его со льдом протоки. Берега острова заросли тальником и ивами, центральная часть представляла снежную равнину с проталинами, на которых виднелись кочки, покрытые мхом и травой. Володя выбрал место по знакомым ему приметам, мы воткнули в снег два табуна профилей, недалеко от них стали готовить укрытия из снега. Снег легко резался лопатой на блоки, которые укладывали полукругом вокруг будущего скрадка. . .

Через день ожидания мы услышали звуки ломающегося льда и шум приближающегося ледохода. Захватив с собой лодку, мы поспешили на остров. Ледоход стремительно проходил мимо острова, появилась чистая вода, по которой плыли льдины. За сутки в природе произошли изменения: весна сменила зиму. Над водой носились табуны уток. Они догоняли ледоход и возвращались назад. Над островом и вдали над материковым берегом стали пролетать табуны гусей. Они летели с криком, приветствуя свою родину. Я не видел ни одного табуна, чтобы он пролетел молча. Большинство табунов шли на большой высоте, вне досягаемости выстрела. Володя периодически издавал гортанные звуки, имитируя крики гусей. Неожиданно для меня, один табун начал снижаться, сделал разворот над островом и устремился к Володиным фанерным «гусям». Володя произвел два удачных выстрела. Вскоре табун гусей пролетел около меня, мне удалось одного сбить. Он упал в заросли тальника, на берегу острова. Обрадованный первым успехом, я поспешил за ним. В кустах снега было по пояс, пришлось ползти на животе, цепляясь руками за ветки. Пока я доставал свою добычу, Володя произвел несколько выстрелов.

Гуси стали чаще пролетать над островом. Заметив профиля, они начинали снижаться и парить в нашу сторону – «кораблить», как говорят охотники о таком полете. Стрелять приходилось в летящий табун навстречу. Первый выстрел у меня был удачным, так как прицеливался заблаговременно и, подпустив табун на дистанцию убойного выстрела, нажимал спусковой курок. Скорость гусей была очень высокой, второй выстрел приходилось делать над головой и промахиваться. Володя поступал иначе: сбив гуся, летящего навстречу, он быстро поворачивался к табуну спиной, вторым выстрелом, произведенным вдогонку улетающей стае, сбивал второго гуся. Он дважды сделал дуплет. Я перенял его опыт и тоже выполнил дуплет.

Когда пролет гусей прекратился, мы собрали и подсчитали свои трофеи. У нас было двенадцать гуменников. Это самая крупная порода гусей.

Наша предусмотрительность - взять с собой лодку, оказалась не напрасной. Между островом и берегом вода шла по поверхности льда. Протока была мелкой, видимо, вода промерзла до дна. К избушке мы добрались на лодке, загруженной гусями. На следующий день решили возвращаться домой.

Удовольствие мы получили, через день надо было выходить на работу. Погрузили в лодку гусей, ружья, рюкзаки. Все продукты оставили Николаю. Он пришел на берег нас провожать. Простившись с гостеприимным хозяином избушки, мы стали усаживаться в лодку, он ее придерживал, чтобы устойчиво стояла на воде.

- Смотрите не зачерпните бортами воды, лодка, вон, изрядно осела, - предупредил он.

Нарты пришлось поставить поперек лодки, на борта. Они прикрыли уключины, грести распашными веслами не представлялось возможности. Я сидел в корме лодки и управлял одним веслом. Течение быстро несло лодку, веслом приходилось направлять ее в нужном направлении и обходить плывущие по Енисею льдины. В какой-то момент я представил себя Зверобоем из произведения Фенимора Купера, плывущим на пироге к озеру Антарио. Эту мысль быстро отогнал от себя, так как Зверобой плыл по реке, берега которой были заросшими густым зеленым лесом, а берег, который видел я с правой стороны, был покрыт белым, сверкающим на солнце снегом. Зверобой мог в любой момент искупаться в теплой воде и выплыть на берег, а мне надо было быть очень внимательным, чтобы не столкнуться с плывущими льдинами и не перевернуть лодку. Оказаться в ледяной воде в тяжелой зимней одежде, означало верную гибель.

По Игарской протоке ледоход еще не начался, пространство перед островом и протокой было забито льдинами. Нам пришлось осторожно поставить на лед нарты, затем высадиться самим на льдину и вытащить лодку. Дальнейший путь проходил по качающимся под ногами льдинам. Для перехода со льдины на льдину выбирали участки плотного их соприкосновения. В одном месте перед нами оказалось водное пространство, которое нельзя было обойти. По обе стороны от нас были небольшие льдины, которые могли не выдержать нас с нартами и перевернуться. Пришлось спустить на воду лодку. Выбравшись вновь на лед, мы зашагали к протоке и через несколько сот метров оказались на устойчивом льду. Я с облегчением вздохнул, через десять километров мы будем в городе. Там меня ждали жена и дети, теплая встреча и обстоятельные расспросы об увиденном.

Через Чукотку на собаках

После удачной охоты Наташа решила устроить званый ужин для соседей. Из кухни наплывал запах жареного гуся и только что испеченных булочек. Она умеет стряпать очень вкусные булочки с изюмом и маком. Я накрыл стол белой скатертью, расставил тарелки, положил рядом вилки, ножи и посчитал свои функции выполненными, но на всякий случай спросил:

- Наташа тебе помочь? – надеясь, что помощь не понадобится.

- Сходи в магазин, купи хлеба и на твое усмотрение спиртного, - раздался голос из кухни.

Пришлось одеваться и идти в магазин. Вдогонку услышал ее голос:

- Не забудь зайти в сарай и принести рыбы на строганину.

В те годы в магазинах продавали только спирт и шампанское, так что вы бора у меня не было. Купил и того и другого.

Гости пришли вместе. Ермаков держал в руке бутылку импортного вина. Со словами: «всех, друзья мои, прошу на бутылочку «Рошу», поставил бутылку на стол. Для нас вино на севере было редкостью. Я не помню его точного названия, возможно, допустил ошибку в написании.

За столом собрались Николай Филиппович, Федор Григорьевич и Ермаков Владимир Федорович, недавно приехавший из Москвы работать заместителем начальника Мерзлотной станции. Вскоре к нему приехала жена Нина Михайловна с тремя сыновьями. Младшие сыновья были двойняшками, ровесниками нашему шестилетнему сыну Саше. Мы подружились семьями, часто бывали у Ермаковых. Его младших сыновей звали Кирилл и Игорь. Я не мог их различить друг от друга. Обычно просил стать около меня и, показывая пальцем на одного, называл имя. Они всегда со смехом убегали от меня и радостно кричали: « не угадал, не угадал». Вскоре я понял, что они меня дурачат и смеются надо мной даже тогда, когда я угадывал имя. Чтобы проверить свою догадку, я подзывал моего сына Сашу и спрашивал: «это кто?». Саша бесцеремонно брал за нос мальчика, приподнимал его голову и, заглянув в нос, безошибочно называл имя. Выяснилось, что у Игоря в носу была маленькая родинка.

Все мужчины, собравшиеся за столом, были на много лет старше меня и Наташи, их жены проживали в Москве. Лишенные домашнего уюта мужчины всегда с охотой принимали приглашения моей жены. Владимир Федорович взялся разрезать гуся, но тупым столовым ножом у него это плохо получалось. Мне пришлось принести свой охотничий нож. Первый тост был предложен за охотника, но я внес поправку: « давайте лучше выпьем за гусей». В этом тосте был двойной смысл.

Мое внимание привлекли орденские колодки на пиджаке Николая Филипповича. Среди них была колодка медали за победу над Германией. По возрасту, Николай Филиппович не мог воевать на фронте. На следующий день я поинтересовался у Владимира Федоровича, который много лет работал с Николаем Филипповичем в московском институте Мерзлотоведения.

Вот что он мне рассказал. Война застала его на берегу Ледовитого океана в эскимосском поселке Уэлен. Он думал, что про него забыли, и продолжал заниматься изучением побережья Чукотского моря. Неожиданно с местной Метеостанции на его имя принесли радиограмму, в которой ему предлагалось прибыть на совещание в бухту Провидения. Радиограмма была подписана неизвестным ему генералом. Николай Филиппович находился на побережье Северного Ледовитого океана, а бухта Провидения – на побережье Тихого океана. Ему требовалось пересечь весь Чукотский полуостров, чтобы попасть в срок в назначенное место. Стоял тот период года, когда зима еще

не кончилась, а весна не началась. Солнце уже высоко поднималось над горизонтом, снегопады и метели иногда прятали его. Чукотское море было покрыто льдом. Единственным транспортом в это время были собачьи упряжки. Николай Филиппович решил нанять каюра, чтобы добраться в бухту Провидение. Чукчи часто пересекали полуостров, навещая своих родственников в селении Урилак, расположенном недалеко от селения Провидения на Тихоокеанском побережье. Таграй, хозяин двух упряжек, к которому обратился Григорьев, посмотрел на солнце и спросил:

- Ты что, не видишь, что солнце желтое?
- Какая разница, какое солнце?- удивился Николай Филиппович.
- Плохая примета, ехать нельзя, - сказал, как отрубил, Таграй.

Следующий каюр, посмотрев на солнце, сказал:

- Вокруг солнца светлый круг, пурга будет, надо ждать, затем ехать.

Николай Филиппович решил обхитрить чукчей. К третьему пошел, когда стемнело, солнце скрылось за горизонтом, на небе появились звезды. Проходя холодную часть яранги, заметил бочки с припасами, снегоступы, нарты, рыболовные снасти. Откинув полог, вошел в центральную часть яранги - чоттаган, посредине горел костер, обложенный камнями. Вся семья сидела вокруг огня на китовых позвонках. На противоположной стороне был откинут меховой полог в спальную часть яранги, там горел жирник. Каркас яранги был сделан из китовых ребер и накрыт оленьими шкурами. Воздух был пропитан запахом пережженного тюленьего жира.

Выслушав просьбу гостя, чукча средних лет спросил:

- Веселящую воду принес?

Взгляды всех сидящих у огня устремились в сторону вошедшего. Николай Филиппович хорошо знал этих бесхитростных и простодушных людей. Он также понимал, что если принести водку, разговор затянется надолго. Чукчам некуда торопиться, а ему надо спешить.

- Нет, не принес. Дорога дальняя, пить нельзя.

Хозяин яранги поднялся с китового позвонка, надел кухлянку и произнес:

- Пойдем на улицу, посмотрим, что звезды скажут.

Он посмотрел на небо, усеянное звездами, и сказал:

- Ехать нельзя, звезды мигают, не разрешают начинать дальнюю дорогу. Ветер северо-восточный принесет много снега. Ждать надо.

Николай Филиппович ждать не мог. Ему надо быть в селении Провидение в указанный в радиограмме день. В этот день туда должен прийти из Владивостока пароход с военным начальством. По законам военного времени опоздание на работу на несколько минут грозило крупными неприятностями. Григорьев не был военным, но чувство ответственности и долга заставляли искать выход.

- Хорошо бы найти «оленьих» чукчей, - подумал он, - но кто знает, где они сейчас кочуют. На оленях можно было бы доехать быстрее.

В Уэлене жили оседлые «морские» чукчи. Они занимались рыбалкой и охотой на морского зверя, оленей не держали. На морском побережье в зимнее время года оленям не добыть корм. Их сородичи – «оленьи» чукчи кочевали

вдали от моря, летом пригоняли табуны оленей к побережью. Здесь меньше гнуса, можно пообщаться с сородичами, провести обмен оленьих шкур на жир морских животных. С такими мыслями вернулся Николай Филиппович домой.

Ему помог советом приятель - чукча Апар.

- Купи собак, поезжай один, может, до пурги успеешь, - сказал он, - упряжку не продадут, а по одной собаке могут продать, я дам тебе упряжь, нарты и собаку-вожака. Умная собака, дорогу знает, - добавил он.

Григорьеву удалось купить шесть собак, каждый продавал не лучшую собаку из своей упряжки. Апар помог запрячь в нарты семь собак. Собаки не знали друг друга, между ними постоянно завязывалась грызня. Они мерялись силами, стараясь выяснить свое положение в упряжке. Апар быстро их успокаивал пинком и бичом. Николаю Филипповичу приходилось много ездить на нартах, он никогда не обращал внимания на упряжь, полагаясь на каюров. Теперь ему предстояло самому запрягать собак, он, помогая Апару, внимательно следил за всеми его действиями. На шею каждой собаки надевался мягкий кожаный ошейник, который двумя лямками соединялся с ремнем, опоясывающему собаку по спине и груди; к этому ремню крепилась постромка, которая привязывалась к кольцу на нарте.

На прощанье, напутствуя друга, Апар сказал:

- Сильно не торопись - быстрее доедешь, дней десять ехать, береги собак.

Изречение чукчи было сродни нашей поговорке: «тише едешь, дальше будешь».

Немного подумав, Апар добавил: «держи солнце в левый глаз, Полярную звезду сзади, слева. Когда увидишь две гряды гор, держи между ними, долина приведет к морю».

Николай Филиппович полагался на компас, который лежал у него в нагрудном кармане, он давно определил по карте направление своего маршрута. Наставления друга принял к сведению, на всякий случай. До назначенной встречи в Провидении было две недели.

Первые километры для неопытного каюра были самыми трудными, собаки продолжали выяснять отношения, ему надо было показать свою власть над ними. Чукчи очень ловко наказывали бичом провинившуюся собаку, у него не всегда получалось попасть в виновника потасовки. Самым задиристым оказался крупный рыжий пес, бежавший следом за вожаком. Он, видимо, был недоволен своей ролью в упряжке, чувствовал, что он сильнее вожака и старался его догнать, чтобы померяться силами. Его усилия приводили к тому, что нарты увеличивали скорость, постромка вожака ослабевала. Тот, поняв, в чем дело, увеличивал скорость, поворачивал голову, скалил зубы и рычанием предупреждал Рыжего. Рыжий бросался на собаку, бегущую рядом с ним, та отскакивала в сторону, нарты дергались, нарушался ритм бега упряжки.

« Как хорошо, что у собак разной длины постромки, - подумал Григорьев, - на ходу поцапаться могут только бегущие рядом».

Ему пришлось остановить собак, постепенно тормозя нарты остолом. Остол – палка с железным наконечником. Как только нарты остановились, Во-

жак повернулся к Рыжему, оскалил пасть и грозно зарычал. Рыжий поджал хвост, признав Вожака старшим. Николай Филиппович сменил местами собак в упряжке, поставив Рыжего перед нартами, чтобы было легко достать бичом. После вынужденной остановки, собаки побежали дружнее, Рыжий успокоился.

Удаляясь от поселка, Григорьев почувствовал, что им овладевают странные чувства. Безмолвная тундра вбирала его вместе с собаками в свое лоно. Он оказался в другом пространстве. Впереди тундра сливалась с небом воедино, и не было видно горизонта. Солнечный диск, окаймленный ареолам, висел над горизонтом с южной стороны.

Нарты легко скользили по твердому, отполированному ветрами снегу. Собаки дружно бежали, не требуя понукания. При спусках с холмов, приходилось притормаживать нарты остолом, чтобы резвые собаки не перевернули их. Величественная и суровая природа окружала его. Температура наружного воздуха была около двадцати градусов холода. При безветрии для полярных широт - это теплая погода.

С заходом солнца заполыхало северное сияние. Разноцветные лучи расходились веером по небосводу. Под его сполохами просматривался горизонт.

Первую стоянку для ночлега Николай Филиппович выбрал между двумя сугробами снега. Лопатой и топором нарубил снежных блоков, уложил их полукруглой стенкой для защиты палатки на случай ветра. Под прикрытием этой стенки установил палатку, занес в нее спальный мешок и рюкзак, разжег примус и отправился кормить собак. Собаки лежали на снегу, свернувшись калачиками и прикрыв носы пушистыми хвостами. Увидев в его руках еду, все соскочили в ожидании своей порции. Накормив собак, залез в палатку и стал готовить свой ужин. За время его отсутствия воздух в палатке нагрелся. Пришлось снять верхнюю одежду. Из термоса налил немного чая в котелок, положил кусок мороженого отварного мяса и разогрел его. Мясо ел с сухарями, размачивая их в кружке с чаем. Плотно поев, забрался в спальный мешок и стал обдумывать свои дальнейшие действия. По его прикидкам за первый день он проехал километров пятьдесят. Если будет ехать с такой скоростью и дальше, то приедет на четыре дня раньше срока. Радовало, что собаки перестали ссориться, признали его хозяином. Они поняли, что кто их кормит, тот и хозяин. Теперь у собак одна цель с хозяином – быстрее добраться до жилья.

На третий день подул ветер. Он срывал верхушки утрамбованного снега на сугробах, и снежная твердая пыль извивалась змеями по утрамбованному снегу. Над поземкой была хорошая видимость, Григорьев продолжал путь. На душе стало тревожно, но у него не было мысли повернуть назад. За долгие годы, прожитые на севере, он привык не отступать от намеченной цели.

Со временем змеиные струйки слились в единый снежный поток. Казалось, что собаки двигаются без ног над этим потоком снега. Постепенно они полностью погрузились в снежную массу, создавалось впечатление, что собаки плывут в белой реке. Голубое небо стало затягиваться тучами, ветер усилился, видимость стала нулевой.

Николай Филиппович остановил собак, они моментально стали рыть снег, чтобы улечься хоть в небольшие укрытия. С большим трудом поставив палатку, он для надежности приколол ее остолом. Ветер рвал палатку, стараясь унести ее вместе с человеком. Забравшись в спальный мешок, он придавил своим телом наветренную стенку палатки. Крыша палатки хлопала, издавая звуки, похожие на выстрелы.

Три дня пролежал Григорьев в спальном мешке. За это время успел очень многое обдумать. Однажды мелькнула мысль: если пурга продлится очень долго, собаки погибнут от голода, ему придется тащить нарты самому. Он отогнал эту мысль и стал думать о другом, постепенно погружаясь в тяжелый сон. Очнулся от оглушительной тишины. Он не сразу понял: наяву это или во сне. С трудом вылез из палатки, она была почти полностью занесена снегом. Вокруг была белая пустыня, но она не казалась враждебной. За многие годы работы на севере привык, даже по-своему полюбил это белое, безмолвное, необъятное пространство. Ему потребовалось немало сил, чтобы откопать палатку и нарты. Накормив собак, продолжил путь. Движение постоянно сдерживали наметы снега, нарты застревали в сугробах. Ему приходилось вставать и помогать собакам. В полдень останавливался, давая собакам отдых, ежедневные переходы увеличил по времени. Размышляя, пришел к выводу, что поступил правильно, выехав до пурги. Если бы он выехал из Уэлена после пурги, ему потребовалось бы три дня, чтобы добраться до места задержки в пути. Он бы опоздал на встречу.

Его сердце радостно забилось, когда с возвышенности увидел море. Привычная белизна вдали прерывалась темно-синим простором. Позади остался длинный и тяжелый путь. Собаки побежали дружнее, почуяв впереди жилье и отдых. Николай Филиппович с облегчением вздохнул и откинулся на спинку нарт, его тело расслабилось, в нем, словно лопнула пружина, которая была сжата во время пути.

В поселок Провидение приехал накануне назначенной встречи. В бухте на рейде стоял пароход, прибывший из Владивостока, на котором Григорьеву была назначена встреча.

Портовый катер доставил Николая Филипповича к трапу парохода. На палубе вахтенный офицер проверил его документы и проводил в зал, который когда-то служил для просмотра фильмов. Здесь были военные и гражданские лица. Григорьев никого не знал, кроме секретаря Окружкома партии. Ему хотелось поделиться своими приключениями в пути, но это было неуместно и никого не интересовало. Совещание начал немолодой генерал. Речь шла об обороне Чукотки в случае нападения Японии, которая сосредоточила крупные армейские подразделения на северных Курильских островах Шумшу и Парамушир. Григорьев чувствовал себя частицей коллектива людей, все помыслы которых направлены на достижение скорейшей победы над фашизмом. Он осознал, что его приключения ничтожны по сравнению с событиями, которые переживает вся страна.

В это время война была в разгаре. Американская помощь Советскому Союзу техникой и продовольствием поставлялась морем в Архангельск. Многие

морские суда не доходили до места назначения: их топили немецкие подводные лодки и авиация. Союзниками было принято решение наладить воздушный мост с Аляски в Хабаровск. Требовались запасные промежуточные посадочные площадки для аварийной посадки самолетов. Николай Филиппович был мобилизован. Ему, как геологу, поручили подобрать место для взлетно-посадочной полосы в районе селения Уэлен и обеспечить, при необходимости, прием самолетов. День Победы Николай Филиппович встретил в Заполярье, на боевом посту.

Экспедиция

Во дворе станции, около складов, шли сборы к отправке экспедиции. Завхоз Николай Валерьевич Грачев извлек из склада геологические ящики - сундуки, которые были сделаны из фанеры с обрамлением граней металлическим уголком, и выставлял их на деревянный настил перед складом. Каждый участник экспедиции паковал и укладывал свое имущество. Буровой мастер Дарковский Вениамин Всеволодович осматривал буровое оборудование: шнеки, ложки, штанги, обсадные трубы, привязывал к ним бирки с указанием веса. Повариха Валя укладывала посуду и кастрюли, лаборант Анастасия Родионовна очень бережно заворачивала в марлю приборы и укладывала в ящик. Только временные рабочие, нанятые на период экспедиции, были без дела, они сидели на бревне вблизи склада, о чем-то разговаривали и наблюдали за сборами. Их личное имущество разместилось в рюкзаках. Мое внимание привлекли кругленькие коробочки из алюминия с плотными крышками.

- Зачем вам эти игрушки? – обратился я к лаборантке.

Анастасия Родионовна была молодой, красивой, общительной женщиной, и мне хотелось с ней поговорить.

- Это не игрушки, а биксы.

Я не знал этого слова и спросил:

- Для какой они цели в таком количестве?
- В них хранятся образцы грунтов до испытаний.
- Зачем вам такое количество марли и парафина? – не унимался я.
- Рабочие будут вырезать монолиты грунта в шурфах, а мне придется их парафинить, чтобы привести на станцию для испытаний без потери веса.

Наш разговор был прерван - меня позвали в контору. По деревянному тротуару, который соединял все объекты станции, я поспешил в контору. Разговор пошел о предстоящей экспедиции. Сотрудникам станции поручалось изучить грунтово-мерзлотные условия на участке прохождения будущего газопровода и дать рекомендации по методам его прокладки. Начальником экспедиции был назначен Григорьев, я - его заместителем по хозяйственным вопросам. Мне также поручалось изучить состояние насыпи железной дороги и вечной мерзлоты под ней. В состав экспедиции входили: старший научный сотрудник Бакулин Федор Григорьевич, младший научный сотрудник Карпов Георгий Алексеевич, два буровых мастера, лаборант, повар, рабочие. У Ни-

колая Филипповича был большей опыт экспедиционных работ. Он давно составил список необходимых продуктов и вещей для экспедиции. Этим занимался завхоз Грачев. Мне предстояло поехать в аэропорт и договориться о переброске экспедиции самолетами в Салехард, взять счет для предоплаты за выполнение спецрейсов. Из Салехарда к месту работ нас должны «забросить» вертолетами.

В аэропорт надо было добираться через Игарскую протоку. До отправления морского трамвайчика было много времени – он ходил по расписанию несколько раз в день. Мне не хотелось ждать и попусту тратить, как мне казалось, драгоценное время. Приподнятое настроение, желание скорей оказаться в полевых условиях, требовали быстрых и решительных действий. Не задумываясь, нанял частного перевозчика и переправился через протоку. По дороге мне встретился знакомый вертолетчик Борис. В молодости мы жили с ним в одном подъезде дома по улице Богдана Хмельницкого в Новосибирске. В то время я, после службы на Флоте, учился в строительном институте, а он, окончив летное училище, работал на севере, часто бывал у своих родителей. В нашем подъезде жила красивая и веселая девушка Катя. Ее отец был полковник, работал начальником строительного управления в военизированной организации, которая называлась «почтовым ящиком». Эта организация построила улицу Богдана Хмельницкого. В дальнейшем из нее отпочковалось строительное управление «Сибакадемстрой» для строительства объектов Сибирского отделения Академии наук. Первым начальником управления «Сибакадемстроя» был генерал Николай Маркелович Иванов. Его имя сегодня носит одна из улиц научного городка.

Мать Кати была домохозяйкой. Родители Катю безумно любили и баловали. Она окончила школу, в институт не прошла по конкурсу. Борис предложил ей руку и сердце. Предложение было принято, сыграли свадьбу, и Борис увез ее в Игарку. Здесь выяснилось, что Катя не умеет готовить, более того, у нее нет желания этому научиться. Вернувшись после полета усталым и голодным, он говорил:

- Хочу есть, как волк проголодался, накрывай стол.
- Сейчас приготовлю бутерброды и поставлю кипятить чай.
- Разве это еда, я хочу что-нибудь существенного.
- Немного потерпи, я разогрею мясную тушенку.

Промучившись несколько месяцев на таком питании, Борис предложил Кате съездить к родителям. В след за ней послал письмо, в котором просил научить ее готовить и не отпускать в Игарку, пока этому не научится.

Поздоровавшись с Борисом, я первым делом спросил его:

- Где Катя?
- Здесь, со мной.
- Готовить научилась?
- Прекрасно, приходи в гости, убедишься.
- Обязательно приду, только после возвращения из экспедиции, сейчас уйма дел по сборам, надо получить разрешение на приобретение охотничьего карабина, запастись рыболовными снастями и патронами.

- Летишь далеко?

Летчики, как и многие суеверные люди, никогда не задают вопрос: куда? Такой вопрос считается плохой приметой.

- Пока в Салехард, а затем в тундру. Вот не знаю, сколько рейсов надо заказать.

- Вес груза и людей подсчитал?

- Подсчитал.

- Можешь сам прикинуть количество рейсов. Наши самолеты больше тонны восемьсот килограмм на борт не возьмут.

По моим прикидкам получалось три рейса.

- Ты едешь заниматься научными исследованиями или рыбачить и охотиться? – задал он мне вопрос с подковыркой.

- Тем и другим. В мои обязанности входит обеспечить быт участников экспедиции. Думаю, что рыба и свежее мясо будут к столу.

- Желаю чистого неба и успехов во всех делах.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Перелет Игарка - Салехард

Вылететь в экспедицию оказалось не так просто, как я предполагал. Пришлось весь груз перевозить на стареньком станционном газике к протоке, затем на катере на противоположный берег и на грузовой автомашине аэропорта к взлетно-посадочной полосе. Пилот внимательно следил за погрузкой и за весом нашего груза.

Когда самолет легко оторвался от земли и поднялся на высоту, я с облегчением вздохнул: Дарковский не перегрузил самолет буровым оборудованием, позади сборы и ожидания, впереди приятная неизвестность.

Наш самолет летел вдоль трассы мертвой дороги. От Игарки она тянулась на юг по правому берегу Енисея до селения Ермаково, расположенного на левом берегу реки. Здесь планировалась паромная переправа железнодорожных составов. С этим участком дороги я был знаком. При строительстве котельной завода железобетонных изделий я столкнулся с проблемой: не были завезены из Красноярска железобетонные перемычки для перекрытия проемов над окнами и дверями. Я загрустил и сказал рабочим:

- Придется кирпичную кладку приостановить до навигации.

Один из каменщиков предложил:

- Для перемычек можно использовать рельсы с заброшенной железной дороги. Я покажу туда дорогу.

На следующий день, погрузив в машину баллоны с ацетиленом и кислородом, взяв с собой газосварщика и рабочих, мы двинулись в путь. Проводнику предложил сесть в кабину и показывать дорогу, но он отказался. У него было с собой ружье, и он надеялся из кузова увидеть и добыть глухаря, если встре-

тится на дороге. Выехав из города, мы пересекли широкий лог и оказались около полотна железной дороги. Насыпь была хорошей дорогой для езды на автомашине. По обе стороны дороги тянулся хвойный лес из лиственниц и елей. Рельсы давно были вывезены, шпалы сгнили. Через пять километров нам дорогу преградил ручей. От моста остались только торчащие сваи. Мостовое строение было разобрано и вывезено или снесено паводком. На противоположной стороне ручья, на насыпи, лежали рельсы. Время не пощадило деревянные шпалы, они сгнили, и костыли легко выдергивались из них. Нарезав рельсы нужной длины, мы двинулись в обратный путь.

Неожиданно по кабине застучали, водитель резко нажал на тормоза, я с трудом удержался, чтобы не удариться лбом в стекло кабины. В голове мелькнула мысль, что в кузове машины что-то произошло, повернулся к двери, чтобы ее открыть и через стекло увидел сидящего на вершине лиственницы крупного глухаря. Его темные перья отливались голубизной в лучах утреннего солнца, шея была вытянута, под клювом торчала борода из перьев, над глазами виднелись красные брови. Он был в позе, приготовленной к полету, но, видимо, любопытство удерживало на дереве. Он знал, что на дереве ему не страшны никакие лесные звери. Новый зверь – автомашина, заинтересовал его. Любопытство стоило ему жизни, раздался выстрел и тяжелое, безжизненно тело, ломая ветки дерева, упало в снег. . .

Вдоль железной дороги через каждых километров двадцать были видны разъезды с полуразвалившимися постройками, покосившимися семафорами и столбами линии связи. Нигде не было видно признаков жизни людей.

Енисей мы перелетели около поселка Ермаково, стоящего на его левом берегу. Во время строительства дороги это было крупное поселение с населением более пятнадцати тысяч жителей.

Теперь мы видели иную картину. Под нами раскинулся большой полусгоревший, полуразрушенный поселок. Станция и депо представляли жалкую картину, стояли брошенные паровозы и вагоны, некоторые накренились.

Железная дорога тянулась до реки Турухан. Эта река в отличие от всех северных рек, стремящихся к Северному ледовитому океану, свое русло проложила на юго-восток и впадает в Енисей много южнее Ермаково, около Туруханска.

Мне надоела однообразная картина, и я стал дремать под монотонный шум винта самолета. У меня была выработана привычка, после службы на Флоте, быстро засыпать под шум и вибрацию корпуса корабля или самолета. Когда я вновь посмотрел в иллюминатор, то увидел под самолетом бескрайнюю тундру, простиравшуюся во все стороны до горизонта. С высоты она казалась огромным зеленым ковром, украшенным множеством озер. Воды было больше, чем суши. Нигде не было видно признаков жилья. Мне хотелось увидеть чумы с пасущимися вблизи оленями, но тщетно. «Сколько на этих озерах уток, гусей, лебедей? - подумал я, - как жаль, что их не видно из самолета. Это их родина, здесь их никто не беспокоит. Вот почему каждый год они с таким упорством стремятся в родные места».

За рекой Надым, на запад до Оби, тянулся выстроенный отрезок «мертвой дороги». Самолет летел вдоль трассы. Здесь была такая же удручающая картина, как на участке от Енисея.

Железная дорога строилась по указу Сталина. Он, как царь Николай второй, когда – то проведший по линейке направление железной дороги между Москвой и Петербургом, провел направление дороги по параллели от Воркуты до Салехарда, от Салехарда до Игарки, долее на север до Норильска. По дороге планировалось вывозить полезные ископаемые из Норильска и завозить грузы для освоения просторов Заполярья. Игарку планировалось сделать главным портом страны по торговле лесом с зарубежными странами. Пускать иностранные суда в Ленинград, Новороссийск и Архангельск, где были хорошие порты и причалы, не хотелось, чтобы не завезли шпионов и инакомыслие. На строительстве дороги работали миллионы заключенных. Все работы первоначально выполнялись ручным трудом. Завезти технику в трудно проходимую тундру не представлялось возможным. Необходимые грузы и люди завозились Северным морским путем и далее по рекам в период высокой воды. До смерти Сталина успели построить и начать эксплуатацию участка дороги от станции Чум, расположенной недалеко от Воркуты, до станции Лобытнанги, расположенной на левом берегу Оби, наладить паромную переправу через Обь до Салехарда, расположенного на противоположном берегу Оби, отсыпать насыпь и уложить рельсы на двух больших участках между Салехардом и Игаркой. После смерти Сталина строительство было прекращено, все было брошено на милость природы. Она сделала свое дело: разрушила станционные постройки, выпучила сваи мостов через малые реки, заполонила березами освоенные людьми земельные участки. . .

Наш лагерь

Стояла теплая летняя погода. Полярное солнце было высоко и поливало своими горячими лучами нас и всю окружающую местность. На небе не было ни одного облачка, небосвод был далеким и синим. Мы стояли около груды мешков, рюкзаков, ящиков, бурового оборудования и провожали взглядами удаляющийся от нас вертолет. Сбывались мои детские мечты: пожить на необитаемом месте, вдали от цивилизации. Но . . . на нас набросились полчища комаров и мошки. Толи не хотели пускать нас в свои владения, толи сильно проголодались в этой безлюдной местности.

Опытные рабочие, не раз бывавшие в таких экспедициях, разожгли несколько костров, бросили в них зеленую траву. Едкий дым поднимался над землей, щипал глаза и затруднял дыхание. Гнус временно отступил на свои позиции в тундре, ожидая нашего выхода на полевые работы.

Лагерь был разбит около «мертвой железной дороги». В центре стояла двадцатиместная армейская палатка, которая служила столовой, местом отдыха и общения. В хорошую погоду мы предпочитали обедать у костра. Раз-

мещаясь на бревнах, принесенных для костра, или за столом, сколоченным из старых, почерневших от времени досок, найденных на развалинах бараков. Около большой палатки полукругом разместились палатки членов экспедиции. В моей стояла раскладушка, на ней спальный меховой мешок, еще раскладной столик и металлическая печь. Над кроватью был натянут полог из марли. В летний зной я вынимал из спального мешка белоснежный вкладыш, напоминающий пододеяльник, и спал на нем. Подобная обстановка была во всех палатках, рабочие жили по два человека в палатке.

Рядом с нашим лагерем находился бывший полустанок, от всех объектов не осталось и следа, их разрушило время, лес и трава захватили отвоеванное у них людьми пространство. На другой стороне железной дороги видны свалившиеся сторожевые вышки, покосившиеся столбы ограждения с колючей проволокой, дальше развалившиеся бараки, в которых когда-то жили заключенные – строители железной дороги. Недалеко от лагеря протекал ручей, над ним висели рельсы со шпалами. Следов от моста не было видно.

Встреча с куропаткой

Я никогда не видел ручного бурения скважин, и решил присутствовать при закладке первой скважины. Это было не праздное любопытство, мне хотелось знать и освоить методы работы старших товарищей. Надел через плечо полевую сумку с патронами, вскинул на плечо карабин и стал наблюдать за сборами отряда Николая Филипповича. К моему удивлению, Григорьев взвалил на плечо звено металлической штанги и первым пошел намеченным маршрутом. Рабочие начали разбирать детали бурового оборудования, приготовленного буровым мастером. Мне было стыдно идти праздным наблюдателем, пришлось взять на плечо буровую ложку и следовать в общей колонне гуськом. Идти было трудно. Ноги проваливались через моховой покров, сапоги до щиколоток попадали в вязкую грязь, которая старалась оставить их у себя.

В указанном Григорьевым месте буровой мастер установил бур в вертикальном положении, и двое рабочих стали ходить по кругу, ввинчивая ложку в грунт. Когда наполненную грунтом ложку извлекли на поверхность, Николай Филиппович стал описывать в полевом дневнике слои грунта в ложке, которые чередовались со слоями льда. Анастасия Родионовна брала образцы грунта и помещала их в бипсы для дальнейших исследований.

Я решил, что получил достаточно знаний по ручному бурению, повесил карабин на плечо и отправился изучать местность. Мой путь лежал к видневшемуся вдали лесу, мне хотелось увидеть северных оленей и поохотиться на них. Передвигаться по тундре было не просто, постепенно приобрел опыт. Легче было идти по участкам, заросшим карликовыми березками, они цепля-

лись за сапоги, зато ноги не проваливались через моховой покров тундры. Еще легче было идти по многочисленным торфяным буграм.

Неожиданно из-под моих ног вылетела куропатка. Привычным движением скинул с плеча ремень, приклад карабина моментально оказался у плеча, я начал целиться. В это время куропатка упала на землю и стала бить крылом, как подранок.

« Что за чудеса? – подумал я, - без выстрела птица оказалась раненой».

Закинув карабин за плечо, решил ее поймать, из карабина трудно попасть в такую маленькую цель. Когда подошел к ней метра на три, она хромая отбежала от меня подальше, и продолжала махать одним крылом.

- Хитришь, мамаша, хочешь увести меня от своего гнезда, - сказал я ей и вернулся своим следом к месту ее взлета.

Я долго отыскивал гнездо. Вместо гнезда, среди сухой прошлогодней травы, увидел маленький, пушистый, серенький комочек, похожий на цыпленка, вылупившегося из яйца. Он замер на месте и не подавал признаков жизни.

Осторожно, чтобы не напугать птенца, отошел в сторону, сел на кочку, достал бинокль из полевой сумки и стал наблюдать за куропаткой. Успокоившись, она стала издавать призывные звуки. К ней покатились, как мячики, серенькие птенцы. Я насчитал десять штук. Куропатка продолжала волноваться и издавать тревожные звуки. Когда к ней подкатились еще два клубочка, она повела свой выводок в ближайшие заросли карликовых березок.

« Неужели она умеет считать», - подумал я и пошел своим путем.

После прогулки по тундре, подхожу к лагерю, стоит жара, пот течет по лицу, гнус одолевает, лицо и глаза щиплет диметилфтолат, которым приходится постоянно смазываться от надоедливых кровопийцев. Карпов Гоша сидит около своей палатки по пояс раздетый, ловит на себе крупных оводов, разрывает их пополам и что-то кладет себе в рот.

- Гоша! Разве можно есть оводов? – удивился я.

- Я ем мед, в Якутии всегда едят такой мед.

Подойдя к нему, стал наблюдать за его действиями. Поймав очередного овода, он разорвал его и вынул на палец желудок, величиной с каплю, наполненный светло-желтым нектаром.

- Хотите попробовать? – спросил он.

- Сам поймаю и попробую.

Оводы не заставили себя долго ждать. Я шлепнул Гошу по спине и поймал крупного овода. Содержимое желудка имело вкус меда.

Вернувшись из Заполярья в Новосибирск, я неоднократно пытался найти в оводах мед, но безрезультатно. Видимо, в Заполярье особый вид оводов.

Сюрпризы мерзлоты

Через несколько дней Григорьев решил заложить два шурфа. Первый шурф показал, что под моховым покровом залегает вечная мерзлота . Стенки шурфа представляли слоеный пирог. Темно-синие суглинки чередовались с про-

слойками льда. Второй шурф преподнес Григорьеву разочарование. Рабочий был новичком и не умел кайлить мерзлый грунт. Опытные землекопы на севере предпочитают разрабатывать мерзлый грунт, чем талый. Они наносят кайлом удар под углом в ледяную прослойку и легко отваливают куски мерзлой породы. Сухой мерзлый грунт легче выбрасывать из шурфа на поверхность, чем сырой. В шурфе всегда сухо.

У новичка кайло застревало в вялой мерзлоте, он с трудом извлекал его из грунта. Мерзлота крепко удерживала кайло и не хотела отпускать. Тогда он решил ее наказать. Принес дров и развел костер в начатом шурфе. От костра начали оплывать стенки шурфа. Костер погас раньше, чем успел догореть, на дне шурфа образовалась грязевая жижа, в которой плавали остатки дров. Рабочий осторожно спустился в шурф, чтобы не набрать грязи в сапоги и стал выкидывать на поверхность дрова. За этим занятием и застал его Николай Филиппович.

- Смотри не утони, - предупредил Григорьев, заглядывая в шурф.
- Сейчас схожу за ведром и всю грязь вычерпаю.
- Такой шурф никому не нужен.
- А какой нужен?
- Сходи и посмотри, какой шурф выкопал Василий, научись у него копать. Помни, что твоя инициатива наказуема. Рядом выкопаешь новый шурф.

Николай Филиппович говорил спокойным голосом, без упрека, не повышая интонации и не высказывая своего разочарования. Алексей понял свой промах и отправился разыскивать специалиста по разработке мерзлых грунтов.

Василий не замедлил рассказать об инициативе Алексея, который вечером стал объектом шуток.

Рыбалка

Через несколько дней я отправился с отрядом Федора Григорьевича Бакулина. Маршрут проходил через ручей, далее по тропе протоптанной накануне людьми его отряда. Тропа проходила между невысокими торфяными холмами, заросшими карликовыми березками и ивами. Между холмами попадались поляны, сплошь покрытые черничником. Поднявшись на самый высокий холм, я увидел панораму местности. Среди зеленого покрова тундры было разбросано множество озер. Их поверхность отливала серебром в лучах утреннего солнца. Решив обследовать эти озера, я пустился догонять ушедший на почтительное расстояние от меня отряд. Догнать удалось около пробуренной вчера скважины. Здесь был сделан короткий привал. Федор Григорьевич осторожно вынимал из скважины связку термометров и записывал показания температуры грунтов.

- Какая температура в этой скважине? - поинтересовался один из рабочих.
- Практически такая же, как в предыдущей. От нуля до одного градуса холода.

Работа по бурению скважин в отряде Бакулина не отличалась от той, которую я видел в отряде Григорьева. Мне она казалась монотонной и не интересной. Перед собой я поставил цель обследовать близлежащие озера, чтобы подобрать место для рыбалки. Сверил по компасу направление на ручей, от которого мы пришли, посмотрел на солнце и зашагал по мягкой, как перина, тундре.

На всех озерах плавали выводки уток. Утята были уже крупными, в северных широтах они за месяц достигают размеров взрослой утки. Только одно озеро привлекло мое внимание. Оно было больше других, берега были топкими и заросли осокой, в двух местах вода узкой полосой подходила к берегу, по ней можно было выплыть на плес.

На следующий день рабочие помогли мне донести до озера и накачать резиновую лодку. Выплыв на плес, я не торопился ставить сеть. Снял пропитанный диметилфталатом накомарник, сидел и наслаждался окружающей меня природой, вдыхал влажный с запахами болота воздух, комары практически не беспокоили. Около меня вились только те комары, которых я привез с собой с берега. Стоило только этим пассажирам прикоснуться к моему лицу, они наказывались, не отведав моей крови. . .

Вернувшись с озера в лагерь, я застал отряд Григорьева в полном сборе. Анастасия Родионовна, высокая, стройная, начинающая полнеть женщина лет тридцати, колдовала около прожарочного шкафа, под которым горел костер; взвешивала биксы, просушивала их содержимое, вновь взвешивала и просеивала через стопку сит. Влажность и гранулометрический состав грунта записывала в полевой журнал. Красивая и общительная, она привлекала внимание многих членов экспедиции, они липли к ней, как мухи на мед. Сегодня около нее стоял Василий и внимательно наблюдал за ловкой работой ее рук и гибкой талией.

- Вам помочь, Анастасия Родионовна, - обратился он к ней.
- Спасибо, я справляюсь сама. Идите, отдыхайте после бурения.

Василий положил руку ей на плечо и хотел продолжить разговор. Она решительным движением отстранила его руку и произнесла:

- Это не про вашу честь.

Мне показался двойной смысл в ее ответе.

Ночью я плохо спал, часто просыпался, думал о предстоящей рыбалке. Разные мысли приходили в голову: есть ли рыба в озере, если есть, то какая, удачно ли выбрана сеть с ячеей пятьдесят миллиметров. Проснулся за час до побудки, оделся и начал расстегивать выход из палатки. В образовавшуюся щель увидел, как Анастасия Родионовна, с ловкостью кошки, выскользнула из палатки Бакулина и скрылась в своей.

Солнце катилось по голубому небосводу, озаряя своими лучами тундру, лес около ручья и наши палатки. В июле в этой широте не бывает зори. Солнце, в полночь, едва коснувшись горизонта, начинает подниматься. Комары дружно, с радостным писком, набросились на меня. Надев накомарник, захватив ведро, я направился к озеру.

Подплывая к сети, заметил, что бараберы играют, их дергает попавшаяся в сеть рыба. Бараберами рыбаки называют сделанные из бересты поплавки для сетей. Сердце радостно забилось, захотелось петь от счастья. В сети были караси. Их цвет отличался от наших сибирских золотых и серебряных карасей. Они были черными и блестели, как начищенные гуталином ботинки. Медленно и осторожно, держась за верхнюю тетиву, протягивал лодку вдоль сети и выбирал рыбу. В какой – то момент, я увидел, что около сети стоит огромный карась. Он засунул в ячею только свой нос и зацепился губой. Стоило ему только пошевелиться, и он был бы на свободе. Я стал набирать на пальцы левой руки сеть. Когда нижняя тетива оказалась в правой руке, я подвел сеть под карася. Оказавшись в сети, карась начал сопротивляться, но силы были не равны, и он скоро оказался в лодке.

На берегу у меня появилась проблема – как донести рыбу до лагеря. В ведро она не входила. Пришлось срезать из тальника рогульку, одну ветку пропустить крупному карасю через жабру в рот, чтобы можно было его нести. Остальных карасей уложил в ведро. Мой путь в лагерь был мучительным. Ведро цеплялось за низкорослые кустарники, крупного карася тащил волоком. Трудности многому учат. Впредь я всегда брал с собой рюкзак.

Повариха Валя обрадовалась моему улову. Тушенка уже давно всем надоела. Был четверг, и она решила устроить рыбный день: на первое уху, на второе жареные караси. У рыбы отрезала головы для ухи. Карасей разрезала вдоль хребта, чтобы лучше прожарить; обваляла их в жидком тесте, приготовленном из муки и сухого яичного порошка. Получились крупные, румяные оладушки.

Мои исследования

Через несколько дней Николай Филиппович сказал мне:

- Завтра я займусь камеральными работами, бригада на несколько дней будет в твоем распоряжении. Обследуй сегодня железнодорожную насыпь и подбери характерные, типичные участки полотна для бурения скважин в насыпи и вблизи ее.

Вооружившись ружьем, охотничьим карабином, с охотничьим ножом на поясе, шел я по шпалам заброшенной дороги. Сегодня пишу эти строчки с улыбкой на лице – хотелось бы увидеть себя со стороны в таком наряде. Я не находил особенностей в насыпи. Насыпь, как насыпь. Тянулась по лесотундре. Местами высота полотна достигала нескольких метров, местами метра. На отдельных участках просела и разрушилась. Мое внимание больше привлекали окрестности, хотелось встретить оленя или лося. Так я протопал километров десять. Впереди на насыпи двигалась большая птица. Подойдя ближе, я увидел крупного глухаря. Он спустился с насыпи и, высоко подняв голову, гордо направился к лесу. Мне он напомнил страуса, которого я в детстве видел в зоопарке. Меня он не боялся, просто уступал дорогу. Это его и

сгубило. Он оказался в моем рюкзаке. Вскоре я понял, что вблизи железной дороги лося или оленя мне не встретить и перестал брать с собой карабин.

После моего обследования насыпи, Григорьев внимательно выслушал меня и посоветовал:

- Пробури первую скважину под платформой полустанка. Интересно узнать, в каком состоянии там мерзлота, и какая ее температура. Затем на двух участках с хорошо сохранившимся и разрушенным полотном дороги. Скважины размещай в теле насыпи, вблизи ее и в отдалении с естественным растительным покровом. Результаты могут пригодиться для твоей диссертации.

На время я прекратил рыбалку и охоту, все больше и больше увлекаясь работой. Замерял температуру мерзлых грунтов в скважинах, брал образцы грунтов и приносил их Анастасии Родионовне. К моему удивлению, температура мерзлых грунтов, как и в Игарке, колебалась от нуля до одного градуса холода. По вечерам в палатке, при свете керосиновой лампы «летучая мышь», на миллиметровой бумаге чертил поперечные мерзлотно-грунтовые разрезы железной дороги. На воздухе, при солнечном свете, работать не давал гнус. Для себя сделал первое «научное открытие»: на участке с невысокой насыпью мерзлый грунт под ней оттаивает и насыпь проседает. На участке с высокой насыпью грунт не оттаивал, и насыпь сохранилась в устойчивом состоянии.

Со своим «открытием» отправился к Григорьеву.

- Результаты интересные, - после недолгого молчания произнес он, - но для доказательства и написания научной статьи двух разрезов недостаточно. Продолжай изыскания.

Во мне проснулся азарт исследователя. Теперь я знал, какие участки насыпи надо выбрать для бурения, и какие результаты можно ожидать. С нетерпением ожидал результатов температурных замеров грунтов. . .

Мои схематические разрезы через железнодорожную насыпь внимательно рассматривали Григорьев и Бакулин.

- Хорошо бы на схемах нанести границу залегания мерзлых грунтов на период строительства железной дороги. Интересно узнать, как она изменилась за пятнадцать лет, - сказал Григорьев.

- Попробуй найти эти материалы в экспедиции института «Ленгипротранс». Они проводят изыскания в нашем районе. Мы согласовывали с ними место проведения наших работ. Их главная база находится в Салехарде, - предложил Бакулин.

Этот институт, как и мы, проводил изыскания под строительство будущего газопровода.

Вскоре связь Бакулина с Анастасией Радионовной стала известна всему коллективу. Не зря гласит поговорка: « шило в мешке не утаишь». Разговоров и осуждений не было, отнеслись спокойно, как к рядовому явлению.

Анастасия Родионовна относилась к нему с материнской заботой и нежностью, как к взрослому ребенку, ухаживала за ним и во всем угождала. Она много лет работала на Мерзлотной станции, знала о несложившейся семей-

ной жизни Бакулина и хотела доставить ему временную радость. На большее она не рассчитывала.

Федор Григорьевич всегда мило улыбался от смущения или от своей скромности. Я его запомнил тихим, усидчивым, трудолюбивым человеком. Он был со всеми внимательным и дружелюбным. Именно таким я всегда представлял себе ученого. На станции его все уважали и любили за доброту и скромность.

Охота на уток

Короткое северное лето было в разгаре. Солнце ярко светило, в его лучах купалась окружающая местность. Покров тундры напоминал расписной персидской ковер с узорами из озер и цветущего сиреневым цветом багульника. Испарения озер, болот и тундры насыщали воздух терпким ароматом. Я с ружьем подходил к озеру, на котором плавали утки. Прячась за низкорослой растительностью, подполз к высокому берегу. Метрах в пятнадцати от берега плавал выводок крупной морской чернети. Охотники этих уток называют черной уткой. Их вес достигает килограмма. Выждал момента, когда утки сплывутся, прицелился и выстрелил. Четыре утки перевернулись. Остальные не улетели, а, подплыв к сраженным, с любопытством наблюдали за ними. Я выстрелил из второго ствола по двум сплывшимся уткам. Оставшиеся в живых утки нырнули только после того, когда я поднялся во весь рост. Стреляя, я не подумал, как буду доставать из воды дичь. Идти за лодкой было далеко. Пощупал рукой воду, температура была терпимой. Разделся до костюма Адама и пошел в воду. Нижний слой воды обжигал ноги. За лето прогрелся только верхний слой. Глубина не позволяла подойти к уткам – пришлось плыть. Взял по три утки в руки и попытался плыть к берегу. Но не тут - то было. Руки с утками не мог оторвать от воды, чтобы сделать взмах. Работая одними ногами, скоро выбился из сил. Пришлось выпустить уток из рук и лечь на спину, чтобы отдохнуть. Затем взял лапы трех уток в зубы, трех уток в левую руку и медленно поплыл на спине к берегу. На берегу меня ожидали комары и мошки. Они с радостью набросились на меня, как на старого знакомого. Обругав их последними словами, оделся и поспешил в лагерь. Дежурным по кухне был Алексей. Валентина вручила ему уток, чтобы их ощипал и опалил. С неохотой побрел Алексей в сторону от палаток выполнять поручение поварихи. Он часто соглашался вне очереди дежурить по лагерю. Я думал, что он увиливает от тяжелой работы. Вскоре причина прояснилась. Валя за ужином объявила:

- Поздравьте нас с Алексеем, мы решили пожениться после возвращения из экспедиции.

За столом начался шум, поздравления. Несколько человек одновременно кричали:

- Такой случай надо отметить!
- Если не отметить, сватовство может развалиться!

Николай Филиппович разрешил взять из неприкосновенного запаса по сто граммов спирта.

Валя это предвидела и подала на стол, в дополнение к макаронам по-флотски, жареных карасей.

Ужин затянулся за разговорами и шутками. Событие было не рядовым в однообразной экспедиционной жизни.

- Алексей, расскажи, как ты сумел меня обскакать? - спросил Василий.

- Не надо увиливать от дежурства по лагерю. Ты же говорил, что Валя не в твоем вкусе, тебе нравится Анастасия Родионовна, - парировал Алексей.

- Ничего я не говорил.

- Говорил, говорил, - вмешалась в разговор Анастасия Родионовна, - но я гордо отказалась.

Она была рада случаю досадить нахальному и самоуверенному Василию. Раздался дружный смех, Василий приумолк.

- Валя, ты не боишься, что он тебя бросит после экспедиции? – спросил кто -то.

- Таких женщин не бросают, - ответил за нее Алексей.

- Конечно, ты любишь поесть, тебя от поварихи не оттянуть, - согласился задававший вопрос.

В разговоре принимали участие все, сидящие за столом, кроме Гоши Карпова. Он был мрачным и неразговорчивым. У него недавно жена родила дочь. Вместо радости его обуяла злость на жену. Ему хотелось сына, а она родила дочь. Прошел месяц, а он не поздравил ее с рождением ребенка. Отправляясь в Салехард за почтой, я каждый раз просил его написать телеграмму или письмо, но безуспешно.

Ночью мне снился сон. Я плыву по озеру, ноги сводит судорога, они проваливаются в холодную воду и тянут меня вниз. Пытаюсь найти какой-нибудь плавающий предмет, чтобы ухватиться за него. Рядом плавают только убитые мной утки, рука не может дотянуться до них. Ее что-то зажало и она болит.

« Неужели это конец, – мелькнула мысль, - я же прекрасно научился плавать, когда служил на Флоте».

Проснулся в холодном поту, сердце учащенно колотилось. Левая рука была прижата телом к холодному металлу раскладушки.

Этот сон я расшифровал, как предупреждение: нельзя в одиночку плавать в холодных озерах. Впредь на утиную охоту брал с собой длинный шнур и деревянный посох, который забрасывал в воду дальше убитой птицы и подтягивал его
шнуром вместе с уткой.

Охота на медведя

Полярное лето подходило к концу. Солнце ненадолго пряталось за горизонт, затем поднявшись в голубое небо, оно одаривало людей и природу своим неиссякаемым теплом. Трава вдоль железной дороги засохла. Стоял аромат сена, напоминающий далекое детство в сельской местности.

Давно закончилась рабочая смена. После ужина все сидели около костра и вспоминали разные истории из своей жизни. Я взял ружье и направился на озера, лежащие на другом берегу ручья. За мной увязались трое рабочих. Этот год был урожайным на чернику, которая черно-голубыми коврами заполонила поляны тундры между торфяными буграми и озерами. Ребята решили набрать ягод. Мы перешли вброд широкий ручей, прошли полосу леса, росшего вдоль ручья, и вышли на просторы тундры, тянувшиеся до горизонта. Торфяные бугры скрывали от нас множество озер, разбросанных по тундре. Поднявшись на один из бугров, мы увидели впечатляющее зрелище. Впереди нас по тундре ходил и поедал чернику огромный бурый медведь.

- Садись, назад за бугор, - скомандовал я.

Карабина со мной не было. Я давно потерял надежду встретить в тундре крупного зверя и потому брал с собой только ружье. Среди рабочих был мой земляк из Башкирии. У меня с ним сложились дружеские отношения, мы часто вспоминали родные места, Уфу, где у меня жили родственники. Обращаясь к нему, я сказал:

- Михаил, беги в лагерь, принеси из моей палатки карабин и полевую сумку. Я буду наблюдать за медведем. Все отходим в лес, чтобы не спугнуть косолапого.

Минуты ожидания тянулись бесконечно долго. Во мне бушевал азарт охотника. «Только бы медведь не ушел» - думал я.

Когда Михаил вернулся, я передал ему ружье, заряженное патронами с пулями - жаканами, сам торопливо зарядил карабин. Скрываясь за буграми, мы, пригнувшись, двинулись в сторону медведя. За очередным бугром ходил медведь на том же месте, где видели его впервые. Лежа среди зарослей карликовых березок, мы наблюдали, как медведь спокойно двигался по поляне и поедал чернику. До него было метров семьдесят.

- Стреляем одновременно, - сказал я, и начал целиться.

Медведь был ниже нас на местности, кусты березки не давали возможность прицелиться. Пришлось стать на колено. В это время медведь почуял нас и поднялся на задние лапы. Мне показалось, что он удивленно смотрит на нас. Передние лапы он согнул перед грудью. От внезапно изменившейся обстановки у меня затряслись руки.

« Надо стрелять в левую половину груди», - подумал я, нажимая на спусковой курок.

После выстрела медведь опустился на четыре лапы и огромными прыжками понесся в нашу сторону, к лесу, который был у нас за спиной. Я передернул затвор карабина, но второй патрон не заходил в ствол. Пришлось перевести взгляд с медведя на карабин. Патрон шляпкой зацепился за нижележащий патрон. Пришлось пальцами извлечь его из карабина и заслать в ствол затвором очередной патрон. За эти секунды медведь успел пробежать мимо

нас в сорока метрах к опушке лесу. Мой напарник по непонятной мне причине не стрелял. Я не сказал ему ни слова, так как чувствовал себя виновным в том, что промахнулся и второпях неправильно зарядил карабин. Сегодня, когда пишу эти строки, по прошествии более сорока лет, не могу вспомнить – испугался я или нет. Скорее всего, нет. Все произошло очень быстро, я не успел осознать случившееся. Сейчас понимаю, какая могла произойти трагедия, если бы я ранил медведя, и он бросился на нас. Сожалел о промахе не только я, но и все свидетели этой сцены. Нам не удалось попробовать медвежатины.

С медведями я встречался неоднократно. Всегда расходились мирно, кроме одного случая, который был роковым для медведя. Все эти встречи сохранились в памяти на всю жизнь.

Впервые медведя видел на Сахалине. Для отца война закончилась после освобождения южного Сахалина. Скорая демобилизация для него не предвиделась. Он имел специальность строителя и его оставили на Сахалине строить армейские склады. В первый послевоенный год наша семья вела полуголодное существование. Продуктов, выдаваемых по карточкам, не хватало, спасибо родственникам, которые делились с нами картошкой. Отец прислал вызов на Сахалин. Мама с тремя детьми и бабушкой отправилась в путь. Переезд с Урала на поезде, называемом «пятьсот веселым», состоящем из товарных вагонов с нарами, а затем из Владивостока на пароходе «Анива», отдельная большая история.

Воинская часть, в которой служил отец, располагалась в поселке Леонидово, недалеко от Паранайска. Нашей семье был отведен японский коттедж. Он стоял на берегу реки, среди смешанного леса. Стены были оклеены белой бумагой, все перегородки раздвигались. По желанию можно было сделать несколько комнат или один большой зал.

Мы приехали в период, когда по реке поднимался лосось на икромет. Отец сделал две остроги, и мы с братом целый день пропадали на реке. В реку на икромет заходила только кета и горбуша. Бывало, бабушка скажет:

- Алик, сходи на реку и принеси кету. Выбери размером поменьше и с икрой.

Я отправлялся на излучину реки. Там был сооружен волнолом из бревен, ударяясь о который река делала поворот, не разрушая берег. За волноломом вода была спокойной, я ложился на бревна, опускал острогу в воду и наблюдал за подводным царством. Около дна постоянно проходила крупная рыба: самцы горбуши с жирными горбами и крючковатыми носами, их подруги, которые имели такой же крючковатый нос. Возле лососей постоянно крутились небольшие гольцы и форель. Дождавшись появления под острогой элегантной кеты, я накалывал ее и нес бабушке. Она первым делом вынимала из кеты икру, освобождала ее от пленки, слегка подсаливала. К обеду икра была готова. Рыбу тушила с томатами и луком. Это было объедение после голодных военных лет. Вскоре мы поняли, что форель, пойманная мной на удочку, много вкуснее кеты. Она хорошо клевала на икру лосося. Вес ее был не более двухсот граммов, крупнее форели я не встречал.

Продвигаясь вдоль притока реки, протекающего между двух сопок, поросших хвойным лесом, я закидывал удочку в небольшие омута, под коряги, в затишья около завалов. Все внимание было обращено на поплавок и на очередное место лова. В какой - то момент я посмотрел вдоль ручья и ужаснулся. Впереди меня, боком ко мне, стоял медведь. Он нагнул голову к воде и ожидал появления рыбы. Ручей журчал, ветер дул со стороны косолапого, он не успел заметить меня. Я не побежал, чтобы не наделать шума, развернулся и осторожно ретировался вниз по ручью. В этот день желание продолжить рыбалку у меня отпало.

Вторая встреча с топтыгиным была на Камчатке, где я в чине лейтенанта служил на корабле - охотнике за подводными лодками. После совместного учения с подводной лодкой, наша поисково-ударная группа больших охотников за подводными лодками бросила якоря в бухте восточного побережья Камчатки. Командам было дано два дня на отдых. Я зашел в рубку к радисту и попросил объявить по трансляции команду:

- Рыбакам собраться на корме, шлюпку подготовить к спуску.

Сидя в шлюпке за рулем, подал привычную команду:

- Уключины вставить, весла разобрать!

Выждав, когда весла оказались в уключинах, скомандовал:

- Весла на воду, навались!

Шлюпка стремительно понеслась к берегу по морской глади, разрезая форштевнем воду и оставляя кильватерную струю за кормой. Всем хотелось скорее начать рыбачить. Нам надо было найти у берега, на глубине около пяти метров, заросли ламинарии. Это морская капуста с листьями длиной несколько метров. Среди таких зарослей всегда водятся морские окуни. На подходе к берегу один матрос предложил:

- Товарищ лейтенант, высадите меня на берег, я нарву черемши.

Предложение было разумным. Витамины команде нужны. На Камчатке, в сыром и теплом климате черемша растет до полуметра высотой и толщиной с палец.

Высадив на берег трех добровольцев, мы начали рыбачить. Первой наживкой был кусок селедки, затем первого окуня изрезали на наживку. Клев был замечательным, крупные окуни подпрыгивали в алюминиевом бачке, взятом у кока на камбузе. Неожиданно я увидел своих матросов, бегущих по галечной отмели со скоростью, как при сдаче стометровки на значок ГТО. Они кричали и махали нам руками, чтобы мы подплыли к берегу.

Только оказавшись в шлюпке, на почтительном расстоянии от берега, старшина Стрепетов смог членораздельно рассказать:

- Поднимаемся мы по ущелью, рвем среди высокой травы черемшу, вижу впереди себя теленка. Думаю, как в этом месте мог оказаться теленок. Крикнул ребятам:

- Смотрите, теленок!

После крика из травы поднялась голова медведя. Я закричал не своим голосом:

- Полундра, бежим вниз!

Матросы бежали за мной, а я думал, что медведь гонится. . .

Вечером, поднявшись на ходовой мостик, я стал в бинокль рассматривать берег. Был отлив, вода на несколько метров отступила и оголила морское дно, по которому гуляли медведи и поедали дары моря. Насчитал семь особей в разных концах бухты. Охотничьи страсти тут же взыграли во мне, и я отправился к командиру.

- Товарищ капитан-лейтенант, разрешите завтра сойти на берег поохотиться?

- На кого собрался охотиться?

- На медведей.

- Зачем нам медведь, мяса вдоволь. Вот свежая рыба вчера была кстати.

- Хочу вам медвежью шкуру подарить, чтобы лежала в каюте на полу, - стал я давить на его самолюбие.

- Зачем она мне?

- Придут к вам командиры других кораблей и ахнут от зависти.

Немного подумав, он сказал:

- Добро. Шлюпка должна ждать тебя у берега. Если услышишь сигнал ревуна, немедленно возвращайся на корабль.

Есть! – ответил я и быстро вышел из каюты, чтобы он не передумал. . .

Рано утром шлюпка отвалила от корабля. За веслами сидели любители рыбалки. Я и старшина Николай Щербань держали в руках карабины. Море слегка штормило, приятно покачивало шлюпку. Когда до берега оставалось метров пятьдесят, от воды побежал в гору медвежонок. Я выстрелил несколько раз, но промахнулся. Попасть в движущуюся цель с качающейся шлюпки довольно сложно.

Мы медленно поднимались по распадку между двух сопок. Растительность напоминала джунгли. Она была трехъярусной. По склонам росли редкие, толстые березы, изогнутые и изуродованные шквальными ветрами на побережье океана, под ними заросли жимолости и калины, ниже росла трава высотой выше пояса. Увидеть в таких дебрях зверя было проблематично. Мы настойчиво поднимались в гору, надеясь на удачу. Перед нами открылась небольшая поляна, на которой лежало поваленное дерево. Мы присели, чтобы отдохнуть. Щербань достал пачку сигарет и решил закурить.

- На охоте не курят, - остановил я его, - у зверя прекрасное обоняние, он нас сразу учует.

- Вы думаете, в этих зарослях мы сможем кого-нибудь увидеть?

- Поживем, посмотрим, - ответил я.

В это время в кустах послышался треск и торопливые шаги. Я приложил палец к губам, давая понять, что надо сидеть тихо.

На поляну рысцой выбежал медведь и стал перед нами ее пересекать. Цель была крупной и на небольшом расстоянии. Как в тире, я прицелился в лопатку и выстрелил. Трассирующая пуля из моего карабина попала медведю в бок, но не остановила его бега. Это меня озадачило, и последующие два выстрела сделал второпях и промахнулся. Щербань тоже сделал два промаха.

Медведь скрылся в кустах. На следах, оставленных зверем, крови не было видно.

- Зверь ранен, надо быть осторожным, он может затаиться и ждать нас у своего следа. Давай поступим так: - предложил я Михаилу, - ты будешь держать карабин на изготовке и идти рядом со мной, а я буду разыскивать след в траве.

Мы шли по его следу, ориентируясь по примятой траве. След привел к пересохшему ручью, на песчаном русле четко виднелись следы топтыгина, уходящие вниз к морю. Через сотню метров, в русле ручья, лежал медведь. Он бежал вниз пока не столкнулся с препятствием – вершиной поваленного поперек ручья дерева. Пуля прошла навылет через легкие. Вдвоем мы не смогли сдвинуть тушу с места, пришлось Щербаню идти за подмогой. Прибывшие на помощь матросы срубили довольно толстую березу, просунули ее ствол между лап, связанных ремнями от карабинов. Шестеро матросов взвалили груз на плечи и двинулись вниз по руслу ручья к морю. Когда тушу погрузили в шлюпку, медведь занял почти все пространство, шлюпка сильно осела. Разместиться всем присутствующим в шлюпке не представлялось возможным. Я взял в руки две матросские бескозырки и стал подавать над головой сигнал вызова. Вахтенный сигнальщик на корабле заметил мой вызов и подал прожектором сигнал готовности читать мое сообщение. Морским семафором я написал: прошу выслать вторую шлюпку. Со всех кораблей сигнальщики увидели нашу добычу. Вскоре к нам наперегонки неслись три шлюпки. Мясом мы поделились с командами всех кораблей. Это событие осталось в памяти у вех участников. У одного из матросов был с собой фотоаппарат, и он сделал неплохие снимки.

Встреча в Салехарде

Среди кривых улиц типичного северного поселка я разыскал длинное бревенчатое здание барачного типа, в котором размещалась экспедиция «Ленгипротранса». На деревянном тротуаре, греясь на солнце, лежали крупные лохматые ленивые собаки и не желали уступать дорогу.

В конторе я встретил главного геолога института Фридзона Эдуарда Львовича и начальника экспедиции Чечика Николая Васильевича. После знакомства, завязался непринужденный разговор об экспедициях, о прокладке будущих газопроводов в условиях крайнего севера. Вскоре был накрыт стол в честь нежданного гостя. Меня угощали ухой и копченой рыбой. Я достал из своего рюкзака представительскую бутылку армянского коньяка и две баночки красной икры. При таких встречах обычно задаются вопросы: где родился, где жил? Если люди оказывались земляками, они чувствовали себя почти родственниками, и завязывалась дружба.

Когда я рассказал, что во время войны жил в Анапе, пережил иго оккупации, Чечик задумался, глаза затуманились, видно на него нахлынули воспоминания.

- Я принимал участие в освобождении Анапы, - произнес он после длительной паузы.

- Расскажите подробней, - попросил я.

- Я служил в разведывательной роте, моему подразделению было приказано провести разведку перед штурмом города. Поздно вечерам мы подошли к окраине города. Около брошенного немцами аэродрома стоял одинокий домик, возле которого я увидел женщину. Женщина очень испугалась, увидев меня. Оправившись от испуга, убедившись, что я не переодетый немец, пригласила в дом. В доме был парнишка лет тринадцати. Он хорошо знал обстановку в городе, на все мои вопросы давал четкие ответы. Затем предложил:

- Я могу скрытно проводить вас до центра города.

- О какой скрытности ты говоришь?

- Мы по каналам коммуникаций морской школы войдем в город, все входы в подземные каналы завалены разрушенными зданиями, немцы никогда в них не спускались. Только пацаны знают, где среди развалин можно найти вход.

- Немного подумав, я согласился, чтобы он провел нас по каналам до города и сразу же вернулся домой.

Наш путь лежал по неглубокой ложбине, заросшей крапивой и бузиной. Малец шел впереди, я за ним, следом все мое подразделение. Было темно, фонарики зажигать было нельзя, но Вася (так звали мальчика) безошибочно нашел место, где надо подняться на верх. Он подошел к люку канализации и попросил снять крышку.

- Это первый люк перед школой, - произнес Вася, и смело занес ногу в люк, нащупал металлическую скобу и стал спускаться вниз. Спустившись в глубокий колодец, я включил фонарик. Васи не было видно. С двух сторон зияли круглые отверстия канализационного коллектора. Из трубы большего диаметра раздался его голос:

- Ползите за мной.

Канализационный коллектор не работал несколько лет, в нем было сухо, но сохранился неприятный спертый воздух. Передвигаться можно было только на четвереньках. Через какое-то время мы оказались в очередном канализационном колодце.

- Мы уже на территории морской школы, здесь надо подняться на поверхность и перейти в колодец теплофикации, - сказал Вася.

Теплофикационная камера вместила несколько человек, из нее под прямым углом шли два полупроходных канала. В них по стенам были проложены трубы водоснабжения и теплофикации. В камере можно было стоять во весь рост, распрямить уставшую спину. Места для всех бойцов не хватало, и я спросил Васю:

- В какую сторону пойдем дальше?

Он направился прямо, мы за ним. Идти приходилось полусогнувшись, но это было легче, чем ползти на коленях. На пути было несколько поворотов с камерами, на ответвлениях из камер на трубопроводах стояли задвижки, Вася уверенно вел нас к намеченной им цели. Один раз мы прошли через длинный подвал разрушенного здания.

- В этом доме выхода на поверхность нет, входы в подвал завалены разрушенными стенами, - сказал Вася на ходу.

Наконец, мы поднялись на поверхность среди руин разрушенного дома. Перед нами просматривались разрушенные и уцелевшие частные дома. Стояла тишина, город казался вымершим.

- Как твоя фамилия, Вася? – спросил я у нашего проводника.

- Жданов.

Спасибо тебе Вася, возвращайся домой тем же путем.

- Я провожу вас незаметно до центра города, - сказал он, и смело пошел через улицу во двор разрушенного дома. Мне ничего не оставалось, как вести свое подразделение за ним. Он, осмотревшись, пересекал улицу, затем по дворам и садам жителей переходил к следующей улице. Так мы добрались до центральной улицы имени Пушкина. Улица представляла длинную баррикаду из обломков, взорванных по обе стороны зданий. Вдали слышался шум техники и обрывки немецкой речи.

- Здесь недалеко морской порт, - сказал Вася.

Пожав ему руку и прижав к себе, я попросил его быть осторожным при возвращении домой. Проведя разведку и убедившись в спешном бегстве немцев, я по рации сообщил командованию. Наступление на Анапу началось в ту же ночь. После Победы, составляя список своих бойцов на представление к медали «За победу над Германией», я включил Василия Жданова. Не знаю, получил он медаль или нет. Ему тогда было лет тринадцать – четырнадцать.

- Получил, получил! Я хорошо знал Ждана. (Такое у него было прозвище.) Я видел у него на груди медаль, – воскликнул я.

У меня подкатил комок к горлу, на глазах навернулись слезы. Вспомнились события двадцатилетней давности. Шел первый послевоенный год. Было очень голодное время. Все помыслы моих сверстников были направлены на добычу пропитания. Часто, собираясь на углу нашей улицы, обсуждали эту проблему. Однажды, выйдя из калитки, я увидел группу ребят, сидящих на корточках около забора. Среди них бы Вася Жданов в новой рубашке, с медалью на груди.

- Откуда медаль -то? – спросил я.

- Вот они знают, - уклонился он от прямого ответа, показав рукой на ребят.

Родители Жданова были метеорологами, семья жила в домике около аэродрома. Рядом размещалась метеорологическая площадка для наблюдений. Он учился в одной со мной школе, до войны часто участвовал в наших играх и набегах на совхозные сады.

Совхоз «Супсех» выращивал поздний сорт винограда рислинг, но среди огромного массива виноградника встречались отдельные кусты и небольшие

участки столовых сортов, которые поспевали раньше, чем рислинг. Охрана садов устанавливалась с момента созревания рислинга. Ребята нашей улицы всегда ждали с нетерпением момента созревания столовых сортов винограда, чтобы успеть полакомиться ими до установления охраны садов. Жданов хорошо ориентировался в садах и всегда был нашим предводителем.

Во время оккупации, он первым узнал, что в одном из скверов города, около морского порта, немцы содержат за колючей проволокой пленных красноармейцев. Мы с Геной Старжинским незамедлительно отправились в этот сквер.

Удручающая картина предстала перед нашими глазами: за колючей проволокой на газонах сидели и лежали наши бойцы, некоторые были в нижних рубашках, несколько человек босяком, вокруг огороженного участка ходили немецкие часовые. Недалеко от проволоки стояла группа женщин, они выкрикивали фамилии своих близких, но ответа из-за проволоки не слышалось. Одна женщина бросила за проволоку кусок макухи, солдат, поймавший его, разломил на мелкие кусочки и раздал товарищам. Военнопленных, видимо, немцы не кормили.

Дома я рассказал о военнопленных, бабушка завела тесто на кукурузной муке из наших скудных запасов и стала стряпать лепешки, которые по величине были, как оладьи. Передавая мне сверток, сказала:

- Иди с богом, передай лепешки красноармейцам.

У меня потекли слюни, мне всегда хотелось есть, так как в период оккупации семья постоянно недоедала.

Спрятав лепешки за пазуху, чтобы по дороге не отобрали ребята старше возрастом, я отправился в сквер. Часовые не разрешали подходить близко к проволоке, приходилось улучать момент, когда часовой повернется спиной, чтобы бросить лепешку через проволоку.

Через три дня военнопленных погрузили на пароход и увезли в Германию, по слухам, для работы на немецких заводах.

Воспоминания о детстве мгновенно промелькнули в моей памяти. Передо мной сидел человек, который принимал участие в освобождении меня из оккупированного фашистами города. Я до конца жизни буду благодарен ему и всем солдатам, победившим фашизм. У меня появились к нему чувства благодарности и какой-то духовной близости. Еще не осознавая эти чувства, сказал:

- Я очень рад, что встретился с вами, и очень вам признателен за ваш ратный труд. Теперь мои воспоминания о войне всегда будут связаны с вами.

Он протянул мне руку и сказал:

- Давай пожмем руки, как ветераны прошедшей войны.

- Какой я ветеран, я только наблюдатель.

- Не скажи. Все дети, испытавшие ужасы войны в нашем тылу, а особенно на оккупированной территории, должны считаться ветеранами войны.

Вспомнились два случая из моего военного детства.

Над городом был подбит немецкий истребитель. Летчик совершил посадку на выпаса, рядом с городом. У самолета отломилось крыло, он воткнулся но-

сом в землю, из которой торчала одна изогнутая лопасть винта. Несколько дней он был местом наших игр. Мы залазили в кабину, садились за штурвал, воображали себя пилотами, идущими в атаку на врага. . .

После освобождения города от оккупантов, в порту остались немецкие зенитные установки, которые немцы не успели вывезти морем. Все ребята бегали в порт, чтобы посидеть на сиденьях стрелков и покататься, как на карусели, на платформе пушек. . .

Мы обменялись с Чечиком адресами и телефонами. Мне пришлось часто бывать в Ленинграде, я всегда навещал Чечика, иногда останавливался у него на несколько дней. Он жил в доме при входе в Петропавловскую крепость. Нам было о чем поговорить. Воспоминания о военном времени и об экспедициях затягивались до полуночи. В семидесятые годы прошлого столетия устроиться в Ленинграде в гостиницу без брони серьезных организаций было практически не возможно.

Этапы освоения Приобья

Эдуард Львович Фридзон работал на строительстве «мертвой дороги». Знал массу интересных случаев и историй. Он был геологом в проектной группе, принимал участие в изысканиях и проектировании дороги, имел звание майора МВД. Проектирование велось по месту строительства, оплата всех строительных работ проводилась по фактическим затратам.

Передо мной сидел живой свидетель исторического события освоения севера. Я не мог не воспользоваться случаем, чтобы расспросить его о событиях двадцатилетней давности.

- Скажите, пожалуйста, Эдуард Львович, - обратился я к нему, - почему дорога не идет прямо в Игарку, а делает крюк через Ермаково?

- Первоначальный вариант предполагал вести дорогу по географической параллели. На всем протяжении от Енисея до реки Таз раскинулась тундра с многочисленными озерами. Там не найти ни леса, ни строительных сыпучих материалов. Пришлось перенести трассу южнее, где есть лес, а в долинах рек - песок и гравий. Протяженность дороги увеличивалась, зато вариант был экономичнее.

- Мы пролетали над этим районом, и я ее хорошо представляю, эту местность, - сказал я.

- Это не единственный случай, когда приходилось менять направление дороги, сообразуясь с местностью.

- Расскажите, как начиналось строительство дороги, - попросил я его.

Его воспоминания были интересными.

. . . Строительство дороги начиналось 1947году без моего участия. Я был направлен в 1949 году в Обскую северную экспедицию, в задачу которой входило провести изыскания и выполнить проектные работы на участке дороги от Оби до реки Надым. Экспедиция была очень серьезной организацией, с большими полномочиями. Ей были приданы самолеты, оленеводческие совхозы обязаны были предоставлять нам необходимое количество оленей.

К тому времени участок дороги от станции Чум до Лобытнанги был построен, но не сдан в эксплуатацию. Мы по нему, на поезде, добирались более суток, затем на грузовой автомашине по льду Оби добрались до Салехарда. Экспедиция размещалась в бараке, в котором мы с вами сейчас находимся. Был март, стояли крепкие морозы. Местность, по которой должна пройти дорога, еще никто не видел, все пространство было занесено снегом, а в экспедицию прибывали сотрудники из Томска, Новосибирска, Иркутска. Проехать можно было только по реке Полуй на расстояние пятнадцать километров от города, по зимнику. Здесь, на правом высоком берегу, возводился лагерь. Большие палатки, похожие на бараки, были обнесены колючей проволокой, стояли вышки с часовыми. Заключенные, как муравьи, тащили на себе по глубокому снегу от ледовой дороги доски, бревна, мешки, ящики. В зоне люди устраивали свое новое жилье, чтобы с наступлением тепла приняться за работу на строительстве дороги.

В состав нашей экспедиции входило шесть партий. В каждой партии было по сорок рабочих из числа заключенных, по десять ненцев-каюров и по сто – сто пятьдесят оленей. Партии забрасывались в тундру на участки, выбранные с самолета. Вот так, коллега, начиналось строительство дороги, которая сегодня никому не нужна, - закончил он свое повествование.

- Нужна, даже очень нужна, - вклинился в разговор Чечик, - скоро начнется освоение открытых месторождений газа и нефти, строительство газопроводов. Дорога бы на много удешевила доставку оборудования и материалов.

- Нас учили, что любое развитие идет по спирали. Это, видимо, относится и к освоению севера. Увлекшись историей Мангазеи, я многое узнал из исторических и художественных книг. Вот некоторые подробности о Мангазее, - начал новое повествование Фридзон, - первыми об обширном крае, населенном «самоядью» и богатом «мягкой рухлядью» (пушниной), проведали поморы и промышленники еще в 14 веке. Они ходили на своих легких судах-качах через Югорский Шар и Байдарскую губу к полуострову Ямал, проникали в Обскую губу и оттуда в Тазовскую губу или Мангазейское море. Сюда их тянули пушные богатства и торговля среди разрозненных туземных племен.

Есть предположения, что новгородцы побывали в этих местах в начале 11 века. Можно сказать с уверенностью, что в течение 14-16 веков число предприимчивых русских людей, посещавших северное Зауралье, возросло настолько, что появились уже основанные мореплавателями-купцами городки. Княжеский и царский дворы в Москве умели ценить драгоценные меха, идущие с севера; интересовались ими и иностранные купцы. Московское правительство долгое время удовлетворялось тем, что получало меха из Архангельска и Вологды, мало что зная о крае, лежащем между Обью и Енисеем.

Так было до конца 16 века.

В 1598 году царь Федор Иоаннович отправил в низовья Оби и Енисея Федора Дьякова «со товарищи» для «проведывания» этих стран и для обложения тамошних жителей ясаком. К этому же времени относятся первые сведения о Мангазее: неизвестно только называлась так вся местность, или какой-

либо из городков. Возвратившись, Дьяков сообщил, что торговые люди русских городков еще до царского повеления наложили руку на Мангазейскую и Енисейскую «самоядь», и ясак собирают давно, но в свою пользу, а говорят, что берут для государя. Возмущенная этим Москва направила туда в 1600 году экспедицию из Тобольска на кочах и коломенках во главе с князем Мироном Шуховским и войском в двести человек, снабдив отряд достаточным боевым и продовольственным припасами. В Обской губе суда разбило штормом, и экспедиция, высадившись на берег, вынуждена была зимовать. Прикочевавшие зимой к их стоянке «самоеды» с оленями предложили перевести груз ближе к реке Тазу; войско шло на лыжах. В пути на русский отряд напали, по-видимому, какие-то другие ненецкие народы и разгромили его. Где случилось это – неизвестно; некоторые историки предполагают, что разгром был учинен по наущению русских торговых людей, не желавших попасть под контроль московских приказов. Предполагают также, что остатки экспедиции все же добрались до места, на реку Таз.

В 1601 году новая экспедиция из Тобольска и Березова – триста человек с пищалями, запасами пороха, ядер и свинца – вышли водой на реку Таз. «Путь туда был труден и прискорбен и зело страшен от ветров» В двухстах километрах от устья был заложен город; название «Мангазея» стали относить к нему.

В 1625 году Мангазея была уже обнесена стеной в полтора сажени высотой, с пятью башнями, высотой от трех до четырех саженей. На башнях были установлены пищали с запасом ядер. Внутри города находились две церкви, воеводский двор, съезжая изба, гостиный двор, торговые ряды, амбары, тюрьма, избы местного населения и гарнизона. В Мангазее ежегодно устраивалась ярмарка, после которой торговые и промышленные люди возвращались на Русь. Город испытал бурный, но очень короткий расцвет.

Основание на Дальнем Севере русского города имело целью не только подчинить центральной власти купцов, воспрепятствовать беспошлинной торговле, но и предотвратить возможность захвата торговли пушниной на Севере англичанами и голландцами. Город этот должен был также стать опорой дальнейшего освоения северо-востока. От Мангазеи русские казаки в 1610 году дошли до устья Енисея, проникли на реку Пясину и в 1632 году на Лену, основали там Якутский острог – нынешний город Якутск.

Через сорок пять лет после возникновения, город Мангазея прекратил существование. С 1641 по 1644год в Мангазею не пришло ни одной качи с хлебом, все они были разбиты бурями в Обской губе, и в «городе настал великий голод». К довершению несчастья, в 1643 году он почти весь сгорел. Оставшиеся жители и воевода переселились в Новую Мангазею или Туруханск (нынешний город Туруханск стоит в другом месте, в устье Нижней Тунгуски, где когда-то мангазейцы построили село Монастырское). Причина быстрого падения Мангазеи лежит в неудачном положении города относительно установившихся внутренних транспортных путей и в истощении пушных богатств края. . .

- Так закончил свое существование самый древний город России за Полярным кругом, - грустно подытожил рассказ Фридзон.

- Вам довелось бывать на месте расположения этого города? – спросил я, надеясь услышать что-нибудь интересное.

- Нет, я не бывал, но я знаю людей, которые пытались найти следы этого города. Попытки результатов не дали. За три века тундра скрыла от глаз следы бывшего города, как и многие другие тайны севера. . .

Покидая на следующий день геологов, я уносил с собой копии необходимых мне документов, и сделал для себя вывод, что приветливей и отзывчивей, чем геологи, людей нет. Привыкшие работать в трудных полевых условиях, они готовы всегда оказать услугу собрату. Я, в свою очередь, обещал им посетить их отряд, обосновавшийся километрах в двадцати от нашего лагеря.

Мысли постоянно возвращались к услышанному рассказу о Мангазее. Какое требовалось мужество, сколько было затрачено труда, сколько принесено жертв тогда и при строительстве железной дороги! И вот мы снова возвращаемся к освоению заполярья. Будет ли наш труд на пользу обществу?

Сегодня на просторах тундры от Оби до Енисея открыты богатейшие месторождения газа и нефти, они названы в честь протекающих там рек - Тазовское, Надымское, Пуровское и другие. Уже проложены тысячи километров нефтепроводов и газопроводов, идет освоение севера. Иногда я думаю – может, Сталин предвидел будущее заполярья, или был информирован геологами о богатейших запасах в недрах неосвоенной территории. В то время такие сведения были секретными. В печати периодически появляются статьи о целесообразности восстановления «мертвой дороги».

Мне вспоминается рассказанный Фридзоном эпизод разгрузки заключенными паровоза с баржи вручную. Случай не менее уникальный, чем строительство египетских пирамид. По большой воде в реку Надым буксир притащил баржу с паровозом. Выбрали место разгрузки, поставили баржу кормой к берегу, выложили от нее до берега ряж из бревен, загрузили его песком, по нему рельсы.

К паровозу привязали множество веревок. Заключенные, как муравьи ухватились за веревки и потащили в гору паровоз. В какой-то момент силы иссякли, и паровоз начал откатываться назад. Под колеса были положены заготовленные клинья. На помощь прибыл дополнительный отряд заключенных. Вагами и веревками они сдвинули паровоз с места и выкатили на берег.

Ловля хариуса

К лагерю геологов я подходил во второй половине дня. Заметив вооруженного человека, пятеро геологов настороженно замерли у костра. Лица были внимательными и сосредоточенными. В этих местах встретить человека большая редкость. Каждый думал, с какой целью и с какими мыслями идет к ним вооруженный незнакомец.

Я демонстративно переломил ружье, извлек патроны, положил приклад на плечо, держа ружье за ствол. Вместо привычного здравствуйте, произнес:

- Привет от Фридзона и Чечика!

На лицах появились улыбки, ко мне потянулись руки для рукопожатий.

- Когда приехали, что нового в Ленинграде? – меня принимали за представителя их института. Вопросы сыпались один за другим, я не успевал на них ответить. Чувствовалось, что люди соскучились по общению и дому. Улучив момент, сказал:

- Я не из Ленинграда.

На лицах появилось досадное разочарование. На меня смотрели с удивлением, словно Ленинград был единственным городом, из которого в Заполярье может появиться человек.

- Тогда откуда вы здесь взялись?

- Из Игарки.

Разочарование на лицах сменилось на удивление. Мне пришлось рассказать, что лагерь Северо-Обской экспедиции Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции находится в пяти часах хода от них.

- Вот вам пакет от Чечика.

- Разве Чечик в Игарке?

- Нет, я недавно был в Салехарде.

Меня пригласили к столу. В полевых условиях от таких предложений не отказываются. Тем более, что я проголодался с дороги. Угощали жареным хариусом и чаем с галетами.

- Хорошо живете – ловите хариусов, а у нас ловятся только караси, - с сожалением произнес я.

- Приглашаем принять участие в рыбалке, мы перед вашим приходом собирались идти к реке.

- Какой снастью ловите?

- На кораблик.

Для меня это был неведомый вид лова, и я с удовольствием согласился принять участие в рыбалке.

Солнце уже давно перевалило за полдень. Река на перекате переливалась яркими бликами. Мы по галечной отмели спустились от переката вниз по течению. Рыбаки извлекли из сумки кораблик, и начали готовить его к запуску. Я внимательно изучал его устройство. Это был небольшой отрезок доски длиной сантиметров тридцать, с одной стороны заостренный, как нос корабля. В нижней части кораблика крепился свинцовый груз, удерживающий дощечку в вертикальном положении. С боку в дощечку было вбито четыре гвоздя, к которым были привязаны жилки, соединенные общим узлом с леской, намотанной на катушку. К леске было привязано четыре поводка с крючками, на которых виднелись искусственные мушки. Кораблик отплывал от берега по принципу воздушного змея. Достигнув середины реки, он стал медленно приближаться к перекату, течение играло мушками, привязанными к поводкам. Внезапно послышался хлопок хвоста рыбы по воде, и кораблик нырнул под воду. Хариус долго боролся за свою жизнь, бросался по реке в

разные стороны. Обессилив, он безвольно дал возможность подвести себя к берегу. На галечной отмели в лучах солнца отливалась серебряным блеском крупная рыбина с черными пятнами на боках. Клев был хорошим. Скоро около моих ног лежало десятка два прекрасных, увесистых хариусов. Мне пора было возвращаться в свой лагерь, геологи предложили взять с собой рыбу, но я отказался, так как хариус - быстро портящаяся рыба, и мне ее не донести в свежем виде. Тогда они нагрузили мой рюкзак соленой рыбой.

Возвращаясь по насыпи железной дороги в свой лагерь, я думал о геологах. Все-таки хорошие они люди. Лямки рюкзака давили мои плечи в подтверждение моих мыслей. При знакомстве они назвали только свои имена, время стерло эти имена в моей памяти, а ловля хариуса сохранилась на всю жизнь.

Охота Григорьева

Быстро пролетело северное лето, стремительно надвигалась осень с мрачными темными тучами, плывущими по небу, с моросящими дождями. В небе стали появляться табуны гусей и уток, покидающих родные края. Они навевали тоску и грусть, напоминали, что скоро и нам придется сняться с обжитого места. Пришлось надевать теплые куртки и плащи. В такой погоде было немало преимуществ. Исчез гнус, рабочие не изнывали от жары при бурении скважин, на насыпи железной дороги стали появляться глухари и капалухи. Эти крупные птицы каждую осень заглатывают в зоб мелкие гальки, которые помогают им зимой перетирать грубый корм, которым служит хвоя сосен и кедров. Глухари самые крупные птицы в наших лесах, их вес достигает более пяти килограммов, вес их подруг - капалух вдвое меньше.

В палатках на ночь приходилось топить печи, чтобы не было сырости. Спать я забирался в спальный мешок, от которого исходил запах овчины. В нем было уютно и тепло. Проснувшись утром, высовывал из мешка только голову и руки, накладывал в печь заготовленные дрова и разжигал их. Затем нырял в мешок и ждал, когда в палатке будет тепло. От железной печки воздух в палатке нагревался быстро, я выбирался из спального мешка, одевался и отправлялся умываться.

Среди развалин полустанка, рабочие нашли ручную дрезину, привели ее в рабочее состояние, и у нас появилась возможность обследовать полотно железной дороги на значительное расстояние. Из поездки я часто привозил глухарей. Григорьев и Бакулин не испытывали охотничьей страсти, они с удовольствием ели дичь, но к охоте были равнодушными. Работа была их хобби. Ради науки они готовы были лететь, ехать, идти пешком в любую даль, испытывать любые трудности. Бакулин был противником уничтожения всего живого, даже комаров. Он часто говорил кому-нибудь:

- Зачем убиваете комаров, без них не будет рыбы. Намажьтесь мазью, она их отпугнет.

Иногда кто-нибудь скажет:

- Федор Григорьевич, у вас на щеке комар напился крови!

- Видимо проголодался, - скажет он и демонстративно, легонько смахнет его со щеки, чтобы не раздавить. Затем добавит:

- Пускай летит, он сам себя наказал.

Однажды Григорьев подошел ко мне и попросил мое ружье, чтобы проехать с ним на дрезине.

- Николай Филиппович, вы же не охотник, - удивился я,- ни разу в жизни не были на охоте.

- Все когда-то надо начинать с первого раза,- ответил он, - за меня в отряде остается Карпов.

Желающих поехать на дрезине с охотником всегда было достаточно.

Ранним утром, до восхода солнца, провожал я Григорьева на его первую охоту. Пожелал ни пуха, ни пера и отправился в свою палатку досыпать.

Вернулся Николай Филиппович без добычи, удрученным и неразговорчивым. На мои вопросы:

- Как съездили, до какого пикета доехали, почему без дичи?

Он вернул мое ружье, махнул рукой и произнес:

- Глухарь сбежал.

Не добившись от него подробностей, я решил расспросить Николая, который ездил с Николаем Филипповичем. Вот что он мне поведал:

«Едем мы, как обычно, неспеша, на насыпь и по сторонам поглядываем. Дважды впереди самки глухаря взлетали. Капалухи серые, под цвет насыпи, сидячими их не заметили, в лет Николай Филиппович не стрелял. После поворота железной дороги на склоне высокой насыпи заметили глухаря. Он мне индюком показался. Остановил я дрезину, Николай Филиппович выстрелил, глухарь покатился вниз по склону. Григорьев быстрее меня побежал к птице. Глухарь был увесистым. Едем дальше, Николай Филиппович в одной руке ружье держит, другой глухаря. Как он будет стрелять,- подумал я,- если глухарь встретится. Об этом, видимо, подумал и он, и предложил оставить глухаря на дороге, на обратном пути подобрать. Так мы и поступили. Поперек дороги положили сухую ветку, чтобы мимо не проехать. На обратном пути подъезжаем к ветке, а глухаря нет. Песец или волк полакомились нашей добычей. Случай печальный, но не смертельный. На охоте и не такое бывает»- закончил свой рассказ Николай.

Возвращение домой

В сентябре полетели белые мухи, снежинки медленно, покачиваясь, спускались на землю. Они мгновенно таяли на насыпи дороги и задерживались на листьях растений. Объем полевых работ был выполнен, мы начали готовиться к отлету. На душе было радостно от предстоящей встречи с семьей и немного грустно расставаться с обжитым местом, на котором было не мало интересных встреч и приключений.

Прошли годы, в своих воспоминаниях я часто возвращаюсь к событиям тех лет, появляется тоска о всем хорошем, что сохранила память, иногда эти чувства выражаются в стихах.

Я возвращался первым рейсом. Постоянно вспоминал Игарку, пытался представить, как неожиданно войду в дом, как меня встретят жена и дети. . .

Наконец, я дома. Меня встретила радостная жена Наташа, мы обнялись и расцеловались, сын Саша бросился на руки. Мы стояли втроем обнявшись, я почувствовал, что любовь моих близких согревает меня, даже лучше, чем таежный костер. Долгая разлука делала встречу необычайно приятной. После первых радостных эмоций, Наташа с нескрываемым волнением произнесла:

- У нас на станции такое происходит! Такое происходит!
- Что же такое происходит? – удивился я.
- Приехала жена Федора Григорьевича.

Настала очередь удивляться мне. Она, за десять лет проживания здесь Федора Григорьевича, ни разу его не навещала. О причине ее приезда я догадался.

- Когда она приехала?
- Довольно давно, поселилась в квартире Федора Григорьевича.
- Ты с ней разговаривала? Какая цель ее визита?
- Меня, как соседку по квартире, она посетила одной из первых. Приходит, не представившись, словно я должна была ее знать, и говорит:
- Я поселилась в квартире Бакулина, как только он приедет, я уйду от него. Вы позволите мне у вас переночевать?
- Конечно, пожалуйста, приходите.
- У него в квартире есть раскладушка, я могу ее принести.
- Не надо приносить раскладушку, у нас свободный диван.

Первоначально я подумала, что это новый сотрудник станции, временно вселившийся в квартиру Федора Григорьевича. При следующем ее посещении я стояла у окна и пропалывала землю в небольшом ящике, где, как на грядке, рос укроп. Она подошла ко мне, поздоровалась и стала рассматривать мой «огород» на подоконнике.

- Какая вы молодец, выращиваете столько зелени, а мой лодырь не мог посадить даже укроп.

Про себя я подумала, как он, находясь в экспедиции, может выращивать укроп? Надо было давно приехать к мужу и выращивать любую зелень. Старожилы станции помнят сотрудника, по образованию биолога, который на окнах выращивал по сорок килограммов помидор за короткое полярное лето.

Только после ее последних слов я догадалась, что она жена Федора Григорьевича. Вскоре на станции все знали, что ей изменил муж. Она готовила общественное мнение.

Визита мне долго ждать не пришлось. Я увидел невысокую, стройную, моложавую, симпатичную брюнетку. Меня удивил ее наряд, который был ей к лицу и подчеркивал ее стройную фигуру. На ней были черные брюки и красный свитер. Я впервые видел женщину в брюках. В семидесятые годы прошлого века такая одежда только начала входить в моду и до Заполярья еще не дошла.

- Здравствуйте, скажите, когда прилетит Бакулин? – с напускным безразличием обратилась она ко мне.

- Давайте сначала познакомимся, меня звать Альберт Сергеевич, а вас?
- Сара Львовна.
- Очень приятно, присаживайтесь, что вас интересует, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Про себя подумал, что мне нет никакого удовольствия общаться с ней, она прервала мою радостную встречу с семьей. Вероятно, она видела в окно, как во дворе станции разгружали автомашину с вещами экспедиции, и я прошел к себе в дом. Неужели не могла подождать до вечера. Этой женщине была не ведома тактичность.

- Скажите, Бакулин бросил меня? - спросила тихо она с дрожью в голосе.
- Он мне не говорил о таких намерениях.
- Мне сообщили, что он живет с женщиной.
- На эту тему разговор не со мной.
- Вы думаете, у него нет серьезных намерений?
- Абсолютно уверен. Скоро он прилетит, и у вас будет полная ясность. Не беспокойтесь. Советую подготовить ему приятную встречу.
- Вы думаете, это поможет?
- Обязательно поможет, вы же знаете, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, - уверенно сказал я,- не начинайте встречу с упреков, сделайте вид, что вам ничего неизвестно, или безразлично.

На следующий день ухудшилась погода, спецрейсы за членами экспедиции задерживались. Сара Львовна каждый день приходила ко мне и заводила разговоры на ту же тему.

Через три дня Бакулин был дома, Сара Львовна не пришла к нам ночевать. Анастасия Родионовна спокойно работала в своей лаборатории. Жизнь на станции протекала в обычном режиме.

Камеральная работа

Григорьев, Бакулин и я сидим за столами в одной лаборатории, так называлась двухкомнатная квартира на первом этаже нашего жилого дома, и пишем отчет по результатам полевых работ. Раньше я думал, что писать отчет рутинная работа. Теперь она меня захватила, появился азарт, как на охоте. Передо мной лежали поперечники мерзлотно-грунтоаых разрезов участков железной дороги, выполненные нашей экспедицией и инженерно-геологический профиль дороги, составленный экспедицией Желдорпроекта в 1947году. Я прекрасно помнил, где эти участки находятся, вспоминал трудности при бурении скважин. Сравнивая два профиля, я видел, как изменились грунтово-мерзлотные условия и даже растительность за двадцать лет. Верхняя граница вечномерзлых грунтов опустилась или поднялась, в зависимости от высоты насыпи. Я писал о причинах такого явления и делал выводы.

Написанный раздел отчета показал Бакулину Ф.Г. и Григорьеву Н.Ф.

- Теперь на основании этих данных пиши статью в сборник «Строительство в районах восточной Сибири и крайнего севера», - сказал Николай Филиппович.

- Я никогда не писал научных статьей, не знаю получиться ли?

- Пиши смелее, мы добавим своих данных и отредактируем, - сказал Бакулин.

Наша общая статья называлась: «Изменение мерзлотно-грунтовых условий под насыпью железной дороги». Статья была опубликована в Красноярске и дала мне толчок к более углубленному изучению этой темы в течение десяти лет.

К новому году, закончив научный отчет, Федор Григорьевич вместе с Сарой Юрьевной улетели в Москву, чтобы никогда не возвращаться в Игарку.

Вскоре на станции появился новый сотрудник, прилетевший на работу геофизиком из якутского института Мерзлотоведения. Он предложил Анастасии Родионовне руку и сердце, и они поженились.

Унты

В Воркуте дул пронизывающий ветер. При небольшом морозе было холоднее, чем в Игарке при пятидесяти градусах. Электрические фонари освещали улицу и фасады каменных зданий, которые парили в воздухе, касаясь земли сваями. Здесь проходило Всесоюзное совещание-семинар по обмену опытом строительства в суровых климатических условиях. На совещание съехались строители и ученые от Мурманска до Магадана. Я внимательно слушал выступления известных в стране ученых, чувствовал себя частицей коллектива людей, прикоснувшихся к тайнам вечной мерзлоты, у меня появилось вдохновение на продолжение своих исследований.

Многие женщины в Воркуте были обуты в унты из камуса оленей. Наташа давно хотела иметь такие унты, но в Игарке их не продавали. В магазинах Воркуты их тоже не было. Пришлось обратиться к женщине в унтах:

- Скажите, пожалуйста, в каком магазине вы купили унты?

- В магазинах их не продают.

- Где же их продают?

- Их шьют в сапожной мастерской потребкооперации.

Узнав адрес мастерской, помчался туда. Готовых унтов не было.

- Скажите, у кого я могу купить унты, - обратился к ближайшему сапожнику.

Он показал рукой с шилом на пожилого ханта, сидящего в углу помещения. Подойдя к нему и поздоровавшись, произнес: «мне сказали, что у вас есть унты тридцать шестого размера».

- Один есть, второй нет.

- Мне надо два, я завтра улетаю после обеда.

- Может, будет готов. Может, нет.
- Сколько стоит пара унтов?

Он назвал цену. Я достал деньги и положил на его столик в полтора раза больше.

- Мне очень надо, чтобы унты были готовы к утру, - произнес я умоляющим тоном.
- Однако, будет готов, - произнес он. . .

У Наташи засияло лицо, когда она увидела подарок. Она прижала унты к груди и смотрела на меня ласковым взглядом. Затем осторожно поставила их на пол, обняла меня и прижалась щекой к моему лицу. Только после этого произнесла:

- Спасибо, очень угодил.

Мы стояли, обнявшись, я был счастлив, что угодил любимой жене. Наконец, она спохватилась:

- Ты же голоден с дороги, садись за стол, я накормлю тебя, затем буду примерять и демонстрировать перед тобой обновку.

Унты оказались носкими, Наташа носила их несколько лет. Сегодня, разглядывая фотографию жены в тех унтах, я вспоминаю счастливые годы, прожитые в Заполярье.

Неожиданные перемены

Над Игаркой стояла полярная ночь. Солнце не выглядывало из-за горизонта. Где-то далеко на севере, за Дудинкой и Норильском, как лучи прожекторов, по небу разливались желтые сполохи северного сияния. В морозном воздухе звонко разносился скрип снега под моими ногами. Был полдень, я спешил из конторы, от начальника станции, чтобы закончить начатую статью. . .

Меня удивил звонок секретаря горкома партии Радаева. Он попросил меня приехать к нему. Теряясь в догадках, поехал в горком партии, перебирая в уме причины, по которым мог понадобиться Радаеву. О забастовке рабочих на моем участке давно все забыли, о состоянии столовой я недавно докладывал на совещании. В кабинет Радаева вошел, так и не угадав причину вызова.

- Проходи, присаживайся, - Радаев показал рукой на стул около приставного стола, - разговор будет длинным.

Неужели я в чем-то провинился,- мелькнула беспокойная мысль.

- Не надоело жить в доме без горячей и холодной воды? Не собираешься уезжать на материк?

Я ожидал разноса, но не таких вопросов. Не догадавшись, к чему он клонит, ответил:

- Все живут, и я живу. Уезжать еще рано, срок договора не истек. К тому же, я поступил в заочную аспирантуру, надо начатое дело довести до логического завершения.

-Ты, наверное, слышал, что согласно постановлению Правительства, будем строить белокаменную Игарку?

- Не только слышал, но многое знаю. Сотрудники Мерзлотной станции принимали участие в изысканиях под первый микрорайон. Место подобрано замечательное, на глубине четырех метров залегает скала, сваи будут опираться в скалу, мерзлота не будет помехой.

- Вот ведишь, тебе и карты в руки. Мы решили рекомендовать тебя заместителем директора по капитальному строительству Игарского лесопильно-перевалочного комбината.

- Я не готов к такой должности, у меня другие планы.

- Проект первого дома готов, надо начинать строительство,- продолжал он говорить, не обращая внимания на мои слова.

-У комбината есть отдел капитального строительства, они справятся.

- В ОКСе три человека, его надо укреплять, по расчетом должна быть дирекция из двенадцати человек.

- На мне разве свет клином сошелся?

- Я не думал, что ты будешь отказываться от такой должности.

- На новой должности придется проститься с диссертацией, над которой я сейчас работаю.

- Вопрос о твоем переводе будет решать Горком партии,- сказал Радаев таким тоном, по которому я понял, что разговор окончен, а судьба моя решена.

- Ты должен работать там, куда пошлет тебя партия,- добавил он.

На работу вернулся расстроенным, дописывать статью пропало желание. В голове появились крамольные мысли. Вспомнил свое вступление в партию. Тогда я очень хотел получить повышение по работе. Получилось, что попал, как соболь, в капкан. Теперь мной – рядовым членом партии, как крепостным, распоряжался Горком партии.

С такими невеселыми мыслями пошел посоветоваться к начальнику станции. Пчелинцев А.М. уехал в Москву, в институт «Оснований и фундаментов». На его место был назначен Ермаков Владимир Федорович. Он был старше меня всего на три года, но успел уже многое повидать. Даже один сезон зимовал на Антарктиде. У нас были приятельские отношения - вместе ездили на рыбалку. Я завидовал его меховому костюму с подогревом, привезенному с Антарктиды. Он завидовал моей удаче на рыбалке. На мое предложение поменять костюм на удачу, в придачу с рыбой, отказывался.

- Почему такой грустный?- спросил он меня после приветствия.

- Есть причина, хоть беги из Игарки.

У меня мелькала мысль переехать работать в Красноярск в институт «Промстройниипроект», в котором я учился в аспирантуре. Раньше это было возможно, теперь путь был отрезан. С партийного учета Горком партии не снимет.

- Куда ты убежишь? Срок договора не истек, договор держит крепче якоря.

- Бывают шторма, которые срывают корабли с якорей.

- Не советую поднимать шторм, соглашайся на новую должность, лучше перейти добровольно, чем принудительно. Диссертацией сможешь занимать-

ся в свободное время. Мы всегда будем рады видеть тебя на Мерзлотной станции и оказать любую помощь.

- Как вы узнали, что мне предлагают сменить место работы?
- Мне звонил Радаев.

Через несколько дней я приступил к работе в Игарском лесокомбинате. Там меня ждали события и встречи не менее интересные, чем описанные в этой книге.

Содержание

На заполярной широте – повесть.

От автора
Вместо предисловия 1
Вступление 1
Игарка 2
Чокнутый 7
Ловля окуней 8
Новогодняя елка 10
Забастовка 12
Строганина 17
Легенда о вымпеле 18
Мерзлотная станция 19
Новая работа 20
Сосед и учитель Николай Филипп 21
Марка- перевертыш Ливаневского 25
Наши соседи 26
Ловля зубатки 27
Охота на гусей 28
Через Чукотку на собаках 38
Экспедиция 44
Перелет Игарка – Салехард 46
Наш лагерь 49
Встреча с куропаткой 50
Сюрпризы мерзлоты 51
Рыбалка 52
Мои исследования 54
Охота на уток 55
Охота на медведя 57
Встреча в Салехарде 62
Этапы освоения Приобья 65
Ловля хариуса 69
Охота Григорьева 70
Возвращение домой 72
Камеральная работа 74
Унты 75
Неожиданные перемены 76

Рассказы
Конь на корабле
Браконьеры
Рыбалка на озере Чаны

Кайков Альберт Сергеевич

На заполярной широте

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка –
Художник – Койкова Н. В.
Руководитель проекта – Пендюрина Т.В.